

**ЦЕНТР
ИСЛАМСКОЙ
КУЛЬТУРЫ
«ИМАН»**

(МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ ТАТАРСТАНА В УСЛОВИЯХ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И
КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПЛЮРАЛИЗМА»
И XVI СЪЕЗДА ЦИК «ИМАН»,
ПРИУРОЧЕННЫЕ
К 15 ЛЕТИЮ
ЦЕНТРА «ИМАН»)

Издательство «Иман»
Казань — 1427/2006

ЦЕНТР
ИСЛАМСКОЙ
КУЛЬТУРЫ
«ИМАН»

(МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ ТАТАРСТАНА
В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И
КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПЛЮРАЛИЗМА»
И XVI СЪЕЗДА ЦИК «ИМАН»,
ПРИУРОЧЕННЫЕ К 15 ЛЕТИЮ
ЦЕНТРА «ИМАН»)

Издательство «Иман»
Казань — 1427/2006

Ответственный за выпуск —
первый заместитель муфтия Республики Татарстан,
председатель вакуфов
Валиулла хазрат Ягъкуб

Подписано к печати 06.03.1427/05.04.2006 Формат 60×90 ¹/₁₆
Печать офсетная. Печатных листов 6,75
Заказ № 7 Тираж 200.
Издательство «Иман». Казань, ул. К.Насыйри, 27.

© Издательство «Иман», 1427/2006

Центру «Иман» — 15 лет

После краха атеистической системы среди широких слоев населения ощущалось искреннее стремление приобщиться к чистой духовности, заключающейся в традиционных религиях, от которой люди были насильственно оторваны в течение десятилетий. В повестку дня был поставлен вопрос возрождения прежде так гонимых религий. Перед религиозными активистами был огромный объем работы: восстановление, строительство зданий мечетей, организация религиозного всеобуча и многое другое. В то же время стояла немаловажная задача — донесение информации об Исламе широкой общественности, пока не готовой стать прихожанами мечетей. Вот почему невозможно было обойтись без мусульмански ориентированной организации, которая взяла бы на себя просветительские задачи. Такой организацией и стал Центр «Иман», созданный 29 ноября 1990 года на учредительной конференции в здании нынешнего НКЦ «Казань». Необходимость появления такой общественной организации объясняется и тем, что в то время ресурсы официального Ислама в городе Казани были очень незначительны: действовало только 3 мечети, официальное духовенство состояло из 5–6 человек, многие из которых были глубокими стариками. Центр «Иман» изначально позиционировал себя как помощник действующему духовенству. В первое время его деятельность была направлена на проведение многолюдных мероприятий, на которых духовенству предоставлялась трибуна, возможность обратиться к массам пока немечетного народа. С первых же месяцев работы Центра были установлены тесные контакты с главным мухтасибом Татарстана Габдулхаком хазратом Саматовым, еще в его бытность имамом чистопольской мечети, а также с имамом зеленодольской мечети Габдулхамитом хазратом Зиннатуллиным, который был в то время одним из самых подготовленных проповедников и прекрасным чтецом Корана.

Центр «Иман» в 1990-е годы провел сотни мероприятий по популяризации религиозных праздников, ежегодно проходили организуемые им Дни Исламской культуры. Много было сделано им и по установлению связей с единоверцами из-за рубежа. Благодаря достаточно интенсивной общественной деятель-

ности Центра был утолен голод на информацию об Исламе в самый пик интереса к нему в первые постсоветские годы. Со становлением и укреплением же институтов духовенства необходимость в активной общественной деятельности со стороны Центра стала снижаться и он сосредоточился в основном на издательской деятельности, на создании мусульманских СМИ. Издательством Центра «Иман» за эти годы выпущена разнообразная литература, удовлетворяющая спрос всех слоев населения.

В последние годы при Центре «Иман» создан научно-аналитический совет, который отслеживает процессы, идущие в мусульманском сообществе нашей страны и выдает необходимые рекомендации.

В юбилейные дни 15-летия Центра «Иман» была проведена научно-практическая конференция «Общественно-политическая жизнь Татарстана в условиях социокультурного и конфессионального плюрализма» и XVI съезд центра «Иман». В этой книге печатаются материалы, связанные с этими юбилейными мероприятиями.

*Валиулла ЯКУПОВ,
председатель ЦИК «Иман»*

Обзор литературы, изданной ЦИК «Иман» (1990–2005)

Как известно, Молодежный центр исламской культуры «Иман» с начала 90-х годов прошлого века успешно издает книги, брошюры и периодику исламской тематики. К сожалению, в начале своей деятельности центр не вел какого-либо учета выпускаемой литературы. В последние же шесть лет подобный учет велся, и мы располагаем краткой информацией по каждой изданной книге с 20 сентября 1999 года до настоящего дня. Также есть списки литературы издательства «Иман», предлагаемой для покупки по почте, в некоторых ранних номерах газеты «Иман», по которым можно судить о тематике произведений. Однако в этих списках присутствуют названия книг, напечатанных другими издательствами, что осложнило нашу задачу. Говоря о 90-х годах, мы можем лишь опираться на ту литературу, которая сохранилась тем или иным образом, например, в библиотеках.

Большая часть литературы издательства «Иман» доступна и находится в свободной продаже, в особенности, это касается изданного за последние годы. Немало печатной продукции издательства «Иман» раздавалось бесплатно на различных мусульманских мероприятиях, мечетях и медресе. Вряд ли найдется в республике мусульманская семья, которая соблюдает обряды ислама, не имеющая в своей домашней библиотеке литературу издательства «Иман». Изданные центром «Иман» книги, определенно, имели и имеют какое-то влияние на распространение знаний об исламе и формирование мусульманской идентичности в нашем регионе. В данном обзоре мы попытались рассмотреть тенденции тематики книжной продукции ЦИК «Иман». Выявив определенные тенденции, мы сможем сделать выводы об изменениях интересов мусульманских читателей Татарстана или же обнаружить те или иные цели и задачи, которые ставил и ставит для себя издатель.

Сразу же хотелось бы огласить статистику по последним шести годам деятельности издательства «Иман», чтобы иметь представление о количестве наименований издаваемых книг и брошюр:

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Количество наименований	71	59	97	82	83	81

Таким образом, мы видим, что в 21-м веке издательство уже выпустило 473 наименования своей книжной продукции. Можно сказать, что в среднем каждый год издается около 80 книг и брошюр. Если сделать грубые подсчеты и учитывать условия, в которых издавалась литература центра «Иман», то можно полагать, что в 90-х годах прошлого века выпущено около 500 наименований. Различия могут быть в тираже определенных книг, так как в 90-е годы, благодаря внешней финансовой поддержке, книги центра выходили тиражом от 10 тысяч до 35 тысяч. Теперь же возможности издательства ограничены, каждое издание книги не превышает 200 экземпляров, за исключением некоторых изданий (например, мусульманские календари, выходящие ежегодно тиражом от 80 тыс. до 100 тыс. экз.). Соответственно, влияние книжной продукции центра на мусульманскую умму республики за последние годы также ограничилось. Но это не значит, что исламской литературы стало меньше или что её перестали покупать. В Татарстане, и вообще в России, на данный момент действует немало издательств, выпускающих исламскую литературу, которые и удовлетворяют спрос читателей. Когда-то на этом рынке работало только несколько издательств, среди которых был центр «Иман». На фоне других издательств центр «Иман» является старейшим из современных исламских издательств в России, и, скорее всего, лидером по количеству наименований изданной продукции.

Что касается тематики книжной продукции, то она обширна и разнообразна. Рассмотрев большую коллекцию книг и брошюр издательства «Иман», а также списки изданий центра, мы пришли к следующей классификации:

1. Коран и его части, комментарии к нему, искусство его чтения (например, казанское издание Корана (1994), Хэфтияк Шариф (1993), Коръэн тэфсире (Ногмани) (1992), «Таджвид» (сост. М.Архипов) (1992)).

2. Хадисы (например, на русском языке Сахих Муслим (2002-4), Суан Термези (2004), Суан Ибн Маджа (2001-2); на татарском языке «Мен дә бер хадис» (1992), «Балаларга хэдисләр» (1993), «Жэвамигуль кэлим шәрхе» Ризаэтдина Фахретдина (1995)).

3. Богословие, догматика, полемическая литература (например, «Что говорит Библия о Мухаммаде» А.Дидата (1993), «Гакыйдэ» Р.Фахретдина (1998), Символ веры Имама Тахави (2000), «Критика шиитских воззрений» М.Бигиева (2002), «Суннитская доктрина против ваххабизма» аз-Захави (2003), «Обличение «Назурат ал-хакк»» ан-Насави (2004), «Гыймэдул-ислэм. Ислам эркэннэре» Ш.Хамидуллина (2005)).

4. Юриспруденция, обряды ислама (фикх) (например, «Исламда хэлэл һәм хэрэм» Ю.Кардави (1992), «Мусульманину об Исламе» (1993), «Ислам кануннары» Б.Тулбаева (1993), «Исламский шариат» Терази (1995), «Кирэкле хотбэлэр жыентыгы» (1998), «Ислам шэригате. Һэркемгэ ирешерлек фикыһ мэсьэлэре (Имам Эгъзам ...фикыһында). Эт-тэшил эз-зарури ли мэсэл Эл-Кудури» М. Гашыйка (1-я часть, 2000), «Образ молитвы в свете сунны» (2003), «Хидая. Том второй» Б. Маргинани (2004)).

5. Исламская этика («Секс и ислам» (1991), «Пэйгамбэр белэн бер кон» (1993), «Исламские мораль и манеры» М.Кайси (1994), «Благонравная жена» Р. Фахретдина (1996), «Татар-моселман исемнэре» Г.Саматова (1996), «Никах: прелести и радости женитьбы в свете Ислама» М. Салямы Джабира (1998), «Никах: шэригать кушканча никахлашу турында кайбер анлатмалар» (1999)).

6. Жизнеописание Пророка (сира), история исламской цивилизации, история татар («Мечеть и её архитектура» Н.Халита (1994), «Вафият ал-аслаф» Ш.Марджани (пер. А.Н.Юзеева) (1999), «Тэварихы Болгария» Муслими (1999), «Мэржани» (сборник в 2 томах, 2001), «Ибн Араби» Р.Фахретдина (2004), «Шэрык тарихы» С.Бикбулата (2004), «Мофтилэребез» В.Якупова (2005), «Изге Казан. Белешмэ» В.Якупова (2005), «Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар...)» Ш.Марджани (пер. Р.Адыгамова) (Часть1, 2005)).

7. Суфизм, мистика, молитвы (дога, салават) (например, «Туксан зэхмэтгэн саклану догалары» (1994), «Халидия мэшэ-ехлэрэннэн моршидлэрнен фикерлэулэре» З.Чистави (2002), «Энциклопедия по суфизму» Юсуфа Хаттара (2004), «Моһер шәриф, кәһәф хужаларынын исемнәре һәм дога» (2004)).

8. Исламская мысль, исламские движения и секты, исламоведение, джадидизм (например, «Исламга бер караш» (1992), «Ислам: идеялар, хэрәкәтләр, үзгәрешләр» Ф.Якана (1994), «Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков» А.Юзеева (1998), «Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место» Я.Абдуллина (1998), «Миллет Оренбургского Духовного Собрания в конце XVIII–XIX веках» Хабутдинова А.Ю. (2001), «Жемчужины разъяснений» Утыз Имяни (2003), «Ханафитский мазхаб, его значение и актуальность» и «Адреса сунны» В. Якупова (2004), «Религиозное обновление в тюркском мире» И.Мараша (2005), «Ислам в Татарстане» В.Якупова (2005)).

9. Филология, учебники арабского языка, словари (например, Арабско-татарско-русский словарь заимствований (1993), «Гарәп теле грамматикасы» Ф.Нуруллина (1993), «Учебное пособие по речевой практике» А.С.Михеева (1994), «Беренче китаб» (1994), «Гарәпчә матур языгыз» А.Хайретдинова (1995), «Мугаллим сани» Ф.Дагестани (2005)).

10. Художественная литература (например, «Фарух-мусульманин» Рахматуллина Р.Я. (1993), «Правда о Прометее» М. Православящего (1994), «Туган Иман берлән Корьән садремә» Г.Тукая (1996), «Неверный праздник (маленькая повесть)» М.Султана (2004)).

Предложенная классификация является условной, потому что есть книги, которые можно отнести сразу к нескольким категориям. Некоторые категории близки друг к другу. По упомянутым выше примерам можно наблюдать широкий спектр тематики. При этом разнообразие сохраняется из года в год. Книги издаются, как правило, на русском и татарском языках. Но есть редкие издания и на других языках, например, «Намаз уку тәртибе» Р. Исхаки на башкирском языке, «Джундуллах сакафатан ва ахлакан» («Культура и нрав воина Аллаха») Саида Хаввы и «Тарик ад-да'ва ал-исламийя» («Путь исламской призыва») Джасима ал-Йасина на арабском. Есть издания, которые выходят за рамки предложенной классификации. Это так на-

зываемые мусульманские календари, которые могут содержать информацию, соответствующую всем упомянутым категориям, и те книги и брошюры, где не затрагивается исламская тематика (например, о лечении травами или выращивании определенных культур). Недавно у центра появилась своя видео и аудио продукция. Для того чтобы получить более ясную картину о печатной продукции, выпущенной за 15 лет, рассмотрим некоторые издания подробнее.

Одним из популярных изданий, которые издавались неоднократно, можно считать брошюру «Һэфтияк шэриф: еш укыла торган Коръэн сурэлэре һәм аятьлэре, аларнын укылышы һәм мэгънэлэренен тозэтэлгэн басмасы» (80 стр.). Эта брошюра в обложке зеленого цвета является сборником наиболее популярных (часто читаемых по разным поводам) среди мусульман сур и аятов Корана. После каждой суры или фрагмента Корана дается транскрипция на кириллице и перевод смыслов на татарском языке. В конце брошюры приводятся несколько молитв, посвященных чтению Корана. Вообще т.н. «седьмица» или «одна седьмая», т.е. последняя 7-я часть Корана, называемая у татар термином «Һэфтияк шэриф», издавалась и до революции. Поэтому здесь можно говорить о продолжении традиции, хотя «Һэфтияк» издательства «Иман» уже не содержит последнюю седьмую часть Корана полностью, и в нем также есть фрагменты из других частей Корана.

Среди учебников по арабскому языку можно упомянуть «Мабда' ан-наху» татарского дореволюционного автора Сунгатуллы Бикбулата (б.г. — переиздание 1918 года) (брошюра, 64 стр.). Эта брошюра в обложке желто-серого цвета является учебным пособием по арабскому синтаксису, которым пользовались в татарских и среднеазиатских медресе в начале XX столетия и пользуются в некоторых современных медресе. Она написана на татарском языке арабской графикой. Вообще издательство «Иман» переиздает немало трудов дореволюционных татарских авторов, посредством чего их труды становятся доступными для широкого круга читателей.

Примером издания, имеющего крупный тираж, является брошюра «Мусульманину об исламе: обряды и молитвы» (1993, 34 стр., тираж 35000 экз.). Эта брошюра, которая распространялась бесплатно, опубликована при содействии спонсоров из

арабских стран. Ответственный за выпуск брошюры Винерулла Ягъкуб, ныне известный как Валиулла хазрат Ягъкуб (В.М. Якупов), первый заместитель председателя (муфтия) Духовного управления мусульман Республики Татарстан, а также председатель ЦИК «Иман» и директор его издательства. Автор книги не указан. Эта брошюра является сокращенным вариантом одноименной книги, изданной в 1992 году по заказу Посольства Королевства Саудовской Аравии в Москве под общей редакцией Муфтия ДУМ по Ставропольскому краю и Карачаево-Черкессии того времени. Оригинал имел тираж 150 тысяч экземпляров. В брошюре рассказывается о столпах религии и веры, дается инструкция по совершению молитвы (намаза) с иллюстрациями. Есть отдельные моменты, касающиеся обряда намаза, не соответствующие положениям ханафитского толка, принятого мусульманами поволжского региона. Поэтому такое издание могло быть причиной споров среди мусульман Татарстана, особенно между молодежью, которые учились молиться по данной брошюре, и стариками. Эта брошюра была издана в Казани в начале 90-х годов, т.е. в тот период, когда наблюдался дефицит книг подобной тематики. На данный момент издательство «Иман» избегает выпускать литературу, религиозные положения которой не соответствуют богословско-правовому толку мусульман поволжского региона.

Другое издание, выпущенное большим тиражом с помощью какой-то зарубежной организации — «Ислам нигезләре» (1994, 83 стр., тираж 25000 экз.). Автор книги — Маудуди А.А., известный пакистанский идеолог мусульманского фундаментализма, лидер пакистанской организации «Джамаат ислами», близкой по взглядам с интегристской исламистской организацией «Братья-мусульмане». Заблуждение Маудуди, с точки зрения традиционно настроенных ученых ислама, заключается в том, что он считает вопрос об утверждении мусульманского правления первоочередной задачей мусульман и основой основ, и что истинная цель религии — создание системы праведного мусульманского государства, а поклонение (молитва, пост, хадж и т.д.) является всего лишь средством для достижения этой цели и обязательной подготовкой. В данной книге такие взгляды не выражены в явной форме, например, Пророк Мухаммад описывается им как величайший революционер, а

его дело — революцией. Кстати, данная книга входит в список сектантской (ваххабито-фундаменталистской) литературы, подготовленный Центральным духовным управлением мусульман России.

Одной из книг, имевших определенный резонанс в кругах мусульманской молодежи, была брошюра «Исламский хиджаб» (1995, 52 стр.). Эта брошюра опубликована при издательстве центра «Иман» Союзом мусульманской молодежи, общественной мусульманской организацией, работавшей в Казани в середине девяностых годов. На данный момент такой организации в Казани нет. Ответственный за выпуск брошюры Винерулла-хаджи Ягъкуб, председатель Союза мусульманской молодежи на то время, ныне известный как Валиулла хазрат (В.М. Якупов). Автор книги не указан. Судя по стилю, содержанию и использованной терминологии данная брошюра написана автором либо пакистанского, либо индийского происхождения. Учитывая, что среди работ Абу-л-Ала Маудуди имеется книга под таким названием, можно предположить, что данная брошюра является её русскоязычным вариантом. Тема брошюры — мусульманская традиция ограждения женщины от посторонних взглядов. Автор осуждает современных мусульман и мусульманок, не соблюдающих эту традицию и ведущих безразличный образ жизни. При этом автор представляет эту исламскую традицию с крайней точки зрения, т.е. требует строгого исполнения элементов, не всегда являющихся обязательными по исламу. Дело в том, что по данной проблеме в исламе, как и по другим, есть много мнений, каждое из которых имеет свое доказательство из Корана и хадисов. К тому же в этой проблеме сплелись чисто исламские законы и чисто народные обычаи наций, исповедующих ислам. Если в одном регионе и народе что-либо является вызовом обществу и неприемлемо с точки зрения этикета и морали, то на такой территории по закону обычаев это будет запрещенным или порицаемым, хотя по шариату это может допускаться. Когда же народный обычай входит в противоречие с шариатом, то такой обычай аннулируется. Таким образом, в разных мусульманских странах и регионах сложились различные традиции по поводу хиджаба. Поэтому мнение автора этой брошюры, даже подкрепленное кораническими аятами и изречениями Пророка Мухаммада,

представляет собой традицию некоторых азиатских мусульманских народов, осуществление которой среди мусульман в нашем регионе и в целом по России не целесообразно. Эта брошюра была издана в Казани в середине 90-х годов, т.е. опять же в тот период, когда наблюдался дефицит книг подобной тематики и когда многие мусульмане Татарстана, особенно молодежь, не определилась со своими воззрениями. Все традиционное для нашего региона подвергалось сомнению, а нечто иностранное, чаще всего представляющее взгляды различных исламистских групп и сект, было модным и популярным. Многие мусульмане даже не догадывались об ошибочности и заблуждении некоторых современных исламских авторов и не подозревали об опасности их трудов. Теперь в этом направлении мы наблюдаем позитивное развитие. Центр «Иман», провозглашая лозунг возрождения национальных исламских традиций и толерантности, избегает выпускать литературу подобного типа, когда религиозные вопросы рассматриваются через призму мнений, несвойственных для мусульман нашего региона.

Издательством «Иман» печатались книги и брошюры также под грифом Казанского высшего мусульманского медресе «Мухаммадия». Как правило, такие издания предназначались для студентов медресе. Например, брошюра «Исламский шариат» современного среднеазиатского автора Зинатуллы Терази (1995, 39 стр.). В краткой форме и по пунктам автор перечисляет деяния мусульман по категориям: обязательные, должные, рекомендуемые, порицаемые, запрещенные и т.п., опираясь на старые источники мусульманского права ханафитской школы, традиционной для мусульман Поволжья и Средней Азии.

К типичной литературе издательства «Иман» относится брошюра «Никах: шэригать кушканча никахлашу турында кайбер анлатмалар» (1999, 24 стр.). Эта брошюра в обложке белого цвета написана на татарском языке. В тексте присутствуют фрагменты на арабском языке. Автор не указан. В брошюре рассказывается об обряде мусульманского бракосочетания в рамках традиционных мазхабов ислама.

Наконец, ярким примером тематики полемики с нетрадиционными для мусульман нашего региона течениями является книга «Суннитская доктрина против ваххабизма» Джамииль аз-Захави (1863–1936) (2003, 100 стр.). Эта книга принадлежит пе-

ру известного иракского ученого, современника татарских джадидов. В книге критикуется ваххабитское течение ислама. Автор в научной форме, опираясь на достоверные исламские источники, показывает ошибочность и опасность данного течения с точки зрения суннитского кредо. В начале книги приводится вступление известного американского суфийского шейха и проповедника Каббани. В данном издании также приведен список литературы на арабском и английском языках, посвященной критике ваххабизма. Судя по списку, читатель может сделать выводы, что со времен появления ваххабитского движения до наших дней немало суннитских ученых посвятило свои труды его критике. Заслуга издательства «Иман» заключается в том, что оно начало распространять такие произведения в Татарстане. Тем самым мусульмане получили идеологическую поддержку в своем противостоянии нетрадиционным сектам и течениям.

Исламская литература, изданная ЦИК «Иман» за 15 лет своей деятельности, многогранна и многолика. Она наглядно представляет пример внутриконфессионального плюрализма. Это около тысячи наименований. Невозможно охватить все издания в рамках этого обзора, но мы попытались выявить общие и явные тенденции. После анализа печатной продукции центра «Иман» мы пришли к следующим выводам.

На ранней стадии, т.е. в первой половине 90-х, мы наблюдаем выпуск большими тиражами книг, написанных известными в исламском мире учеными, многие из которых считаются идеологами исламского фундаментализма. Это, во-первых, пакистанский автор, лидер организации «Джамаат ислами», Абу-л-'Ала ал-Маудуди, центр «Иман» выпустил следующие произведения этого автора на татарском языке: «Ислам килэчэгэндэ яшьлэр» (1992), «Ислам нигезлэре» (1994) и другие. Это — Фатхи Якан, один из лидеров уже арабской ихванистской организации «ал-Джама'а ал-исламийя», автор агитационной брошюры «Ислам: идеи, движения, перемены». Это — Ахмад Хуршид, автор книги «Ислам: основные принципы и характеристики». Это — Йусуф ал-Кардави, крупный исламский ученый современного исламского мира, автор книги «Запретное и дозволенное в исламе». Произведения этих авторов печатались при поддержке внешних источников, т.е. их выпуск финансировался

из зарубежных фондов. Поэтому здесь наблюдается влияние организаций, разделяющих взгляды исламских фундаменталистских течений.

Вместе с этим выпускалась литература, содержащая крайние исламские воззрения, несвойственные богословско-правовой школе, принятой среди татар. Это связано с тем, что мусульманская молодежь Татарстана вплоть до середины 90-х годов имело предвзятое отношение к исламским обычаям и наследию предков, не находя им обоснования в доступной литературе. С другой стороны, из арабских стран нам предлагали не те книги и представляли не тех авторов, которые должны были распространяться в нашем регионе, и которые бы способствовали более гармоничной исламизации этнических мусульман. Сегодня мы пожинаем плоды того бесконтрольного распространения исламистской литературы, хотя в Татарстане негативные последствия этого проявляется не так ярко, как в других регионах.

Во второй половине 90-х начинается процесс возвращения к традиционным ханафитским источникам. С арабского и старотатарского переводятся и выпускаются авторитетные среди ханафитов книги по фикху. Кроме этого издательство начинает уделять внимание татарским авторам 19–нач.20 веков. Выпускаются работы и российских исламоведов, связанных с проблемами татарского мусульманства. При этом не обходятся вниманием и чисто исторические труды.

Особое внимание привлекает новое направление, появившееся в последние годы. Это — полемическая (контroversная) литература, представляющая собой контрудар волне литературы, содержащей идеологии и учения, чуждые традиционным воззрениям мусульман нашего региона. Во-первых, издаются книги и брошюры, критикующие с позиции суннитского ислама воззрения ваххабитского учения. Не секрет, что труды ваххабитской направленности имеют широкое хождение в республике. Поэтому центр «Иман» поставил перед собой нелегкую задачу, чтобы противостоять распространению ваххабизма среди татарской молодежи. Кроме этого вышел ряд брошюр, нацеленных на популяризацию ханафитской школы ислама, и на дискредитацию других нетрадиционных исламских течений и сект, или идей и проектов.

Что касается суфийской тенденции в печатной продукции, то она также проявляется с конца 90-х. Конечно же, в течение всех 90-х издавались книги и статьи, имеющие суфийское происхождение (кстати, также изданных до революции). Это касается различных форм молитв (дога), популярных среди мусульман-татар пожилого возраста. Однако литература, в которой говорится о самом суфизме, появляется именно уже ближе к концу 90-х. Соответственно, объем такой литературы медленно увеличивается, как в принципе и число сочувствующих или следующих определенным тарикатам среди молодежи в нашей республике. Таким образом, центр «Иман» в какой-то мере реагирует на спрос читателей и способствует балансу в мусульманском обществе. Как известно, суфизм был очень распространенным явлением среди татар до революции. И будет удивительным, если сейчас он останется без внимания нашей современной мусульманской интеллигенции.

Периодика, изданная центром, не рассмотрена в нашем обзоре. Но предполагаю, что там мы увидим такую же картину, т.е. одинаковые тенденции. В заключение хочется пожелать успехов центру «Иман» в его нелегком труде просвещения мусульман Татарстана. Думаю, что со мной согласятся многие в том, что издательство «Иман» выбрало наиболее своевременные и необходимые направления для своей деятельности. Ведь татарский народ, в большинстве своем, склоняется именно к своим старым религиозным традициям, лишенным экстремизма и фанатизма.

НУРИАХМЕТОВА Ф.М.
к. филос. н., доцент,
зав. кафедрой Истории и архивного дела КГЭУ

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИСЛАМА В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Современное мировое развитие связано с процессом глобализации и завершением формирования «нового мирового порядка» в наступившем тысячелетии. Этому способствовали нарастающие взаимозависимость и интеграция государств — субъектов мировой системы. Стремительное развитие различных форм коммуникации, в том числе информационно-технических, позволили нивелировать существующие границы и замкнутость отдельных стран, особенно мусульманских. Участие во многих современных мировых процессах и движениях стало для них не только возможным, но и полезным.

Исторически сложившиеся традиции и обычаи, уклад жизни и менталитет разнородных по религиозному и культурному происхождению этносов, сегодня вновь подвержены испытанию нарастающим противоборством двух тенденций. С одной стороны, продолжающиеся процессы дезинтеграции не только в России, но и в Европе, Канаде, мусульманских странах, идущие по пути сепаратизма, нередко с использованием террора и насилия, а, с другой — процессы интеграции и укрепления европейских и азиатских сообществ. В этом контексте крайне важно правильно определить роль и значение возросшего влияния мировых религий, в частности, ислама, сторонники которого составляют значительное число в мире, а также постоянно растущую численность выходцев из мусульманских стран в России, Западной Европе и в США.

В последнее время в исламском мире происходят неординарные события и явления, связанные с «возрождением ислама» и являющиеся своего рода ответом на процессы вестернизации общественного уклада и культуры мусульманских народов. В мире ислама вызывает неприятие навязывание западного образа жизни и соответствующих ценностей народам, издавна

жившим по своим традиционным законам и представлениям. Тем самым предпринимаются попытки приведения в соответствие с неким международным эталоном демократии политические и социально-экономические системы стран исламского мира, стремление направить их по западному пути развития без учета исторических и этнических особенностей этих стран. Однако нельзя забывать, что глобализация, единство и взаимозависимость мира не исключает его многообразия по национальным, культурно-религиозным и цивилизационным признакам и формам, а также различия в социально-экономическом развитии каждой отдельной страны и даже регионов.

Ислам, возникнув довольно поздно по времени, впитал в себя многие положения других религий, таких как иудаизм, христианство, зороастризм, но в то же время существенно от них отличается. Он не только выступает в качестве морали, но и является регулятором всех сфер общественной жизни, включая политику, экономику, право и др. Мусульманин готов ценной своей жизни защитить на поле боя высшие идеалы ислама и родины. Именно этим объясняется так называемый «религиозный фанатизм», совершенно не воспринимаемый с позиций логики западного человека, для которого собственная жизнь является высшей ценностью. В исламе, в отличие от западного христианства, наиболее жесткие обряды и традиции, которые соблюдаются практически подавляющей частью мусульман. Они всецело регламентируют его жизнь, поэтому можно сказать, что ислам — это не только религия, но и своего рода «*Modus vivendi*» — образ жизни мусульман. Роль мусульманских институтов в исламских государствах чрезвычайно велика, и она всегда учитывалась светскими властями. Богословы (улемы), муфтии и имамы в государственной иерархии всегда стояли и стоят намного выше, чем министры, а политическое руководство постоянно советуется с ними при принятии жизненно важных для общины решений. Все это свидетельствует об одном — становление демократии и гражданского общества в мусульманских странах не возможно без исламской составляющей. Это значит, что разговор может идти об исламской демократии и исламском гражданском обществе, поскольку и то, и другое обусловлено цивилизационными особенностями Востока. Средневековый (ортодоксальный)

ислам менее всего подвержен тем изменениям, которые происходят в жизни мусульман, да и всего мусульманского мира в современный период. В связи с этим движение и к демократии, и к гражданскому обществу невозможно без модернизации ислама, пересмотра и реформирования некоторых его положений и предписаний.

Отсутствие узаконенной догматики в исламе позволяло свободное толкование Корана в части мировоззренческих вопросов в приемлемом для конкретного богослова или школы духе. Это открывало простор для разного рода проявлений свободомыслия, основанное на объяснении того, что Коран при правильном его понимании не только не возбраняет, но и побуждает интерпретировать откровение в соответствии с требованиями разума. С проникновением буржуазных идей началась эволюция общественной, в том числе и религиозной мысли. В период культурного подъема процессы становления просветительства, пробуждение национального самосознания происходили под непосредственным воздействием ислама. В рамках арабского Возрождения (Нахда) зародилось реформаторское движение, которое предлагало отказаться от средневекового традиционалистского понимания ислама и выступало за его активное приспособление к требованиям зарождавшихся новых общественных отношений. Реформаторы-модернисты предлагали провести ревизию тех традиционалистских интерпретаций ислама, которые в результате общественной эволюции подлежали качественному изменению или устранению. Они не считали предосудительным заимствование западного научного и технического опыта, технологий для возрождения мусульманского Востока, его модернизацию при условии учета специфики и особенностей национального развития.

Безусловно, идеи модернизма нелегко утверждаются в мусульманском мире. К тому же неудачи и провалы как экономическое, так и политическое курса многих развивающихся государств, в результате слепого копирования опыта развитых европейских стран, а также изменение акцента во всемирном исламском движении в сторону, исключаящую откровенно прозападную ориентацию, осложняют положение модернистов. В силу чего нарастает и ярко проявляется радикализация и фундаментализация политических настроений отдельной части мусульман.

В начале XXI века происходит стремительное развитие новых средств массовой коммуникации, конечно же, ничего подобного человечество прежде не знало. Современное поколение мусульман быстро впитывает и усваивает новые стандарты взаимоотношений, поэтому будет происходить естественный переход к западным нормам и образцам поведения и общения, что, безусловно, должно способствовать сближению и диалогу западной и восточной цивилизаций, а также их межконфессиональному взаимодействию на основе толерантного отношения друг к другу.

Тем не менее, социальная структура восточных обществ не позволяет однозначно копировать западную модель демократии и гражданского общества. Особенности формирования гражданского общества в мусульманских странах обусловлены наличием религиозных, в частности, исламских институтов и тем авторитетом, которым они пользуются в обществе. Многие считают, что религиозность снижает вовлеченность верующих в общественную жизнь, однако, вопрос этот спорный. Достаточно вспомнить М. Вебера, который видел в религии фактор социальной динамики, социального изменения. В частности, он считал, что «великие, религиозные традиции» оказали влияние на различие путей развития Запада и Востока, более конкретно — иудаизм, католицизм, протестантизм и ислам в большей степени способствовали рационализации социальной жизни, чем индуизм, буддизм и конфуцианство. Таким образом, он отмечал историческую обусловленность «социально активных религий» к экономической деятельности, приводящей в итоге к социальному развитию и прогрессу.

Наиболее ярким примером тому может служить реформаторское движение в исламе — джадидизм, возникшее среди просвещенной части татарского народа и направленное на разрушение старого схоластического и формирование нового реформаторского мировоззрения на рубеже XIX–XX вв. Идеи джадидизма, носившие первоначально просветительский характер, в то же время соответствовали традициям ислама и развивались в русле ислама. В результате чего ислам среди татар стал открытым к заимствованиям ценностей западной культуры, в том числе и русской, что сыграло немаловажную роль во всей последующей истории мусульман Поволжья. Впослед-

ствии движение джадидизма получает широкое развитие, приобретает политический характер и способствует возникновению политических партий и движений. Джадидисты выходят на общероссийский уровень и становятся выразителями интересов и потребностей не только татар, но и всех мусульман Российской империи. Трудно переоценить его значение в развитии татарской культуры, эволюции татарского этноса, сохранении его самобытности и идентичности. По большому счету джадидизму мы обязаны современными достижениями татарского общества в духовной, социально-политической и экономической жизни.

Многие исследователи считают, что идеи джадидизма легли в основу такого современного явления как евроислам, в последнее время широко распространившегося в Европе и получившего название «неоджадидизм». В западных странах начинает зарождаться великая реформа ислама, и мусульманская диаспора могла бы выполнить важную историческую задачу по созданию умеренной традиции для будущего, моста между культурами, диалога между христианами и мусульманами. В силу своего геополитического положения ислам в Татарстане органично сочетает в себе светское и религиозное, европейскую и азиатскую культуру, а значит, объединяет Запад и Восток, христианство и ислам. Воссоздание и возрождение северного центра исламской цивилизации в России могло бы быть разумной альтернативной исламскому фундаментализму, средневековое прошлое которого, безусловно, не имеет будущего.

Модели развития молодёжного религиозного общественного движения

В Российской Федерации для формирования перспективных планов развития государства молодёжь выделяют в отдельную социальную категорию. По мнению многих культурологов, эта группа населения формирует свою собственную субкультуру. Такая тенденция сформировалась под влиянием западноевропейской системы формирования молодёжной субкультуры. Примером в первую очередь служит специфическая молодёжная музыка и среда общения, ограниченная возрастными рамками. При этом многие специалисты отмечают самодостаточность молодёжи и внутреннее окружение, которое формируется внутри этого общества и не подвержено влиянию извне. На наш взгляд, это ошибочное мнение. Молодёжная среда как отдельный социальный слой был выделен только в конце XIX века, когда начинает формироваться скаутское движение и т.д. На этом примере мы можем сразу отметить несамостоятельность молодёжи в решении не только вопросов структурирования, но и в отстаивании собственных интересов. И тогда и сейчас формированием молодёжной среды и субкультуры занимаются заинтересованные силы. Хорошо было бы, если эти вопросы взяла на себя собственная семья, как это было до революции в России. Но в современном обществе семью низвели до формальной регистрации в ЗАГСе.

Сейчас при росте урбанизации и индустриализации общества многие просто не в состоянии не только воспитывать, но даже воспроизводить потомство. Разрыв родственных связей формирует в сознании молодёжи эгоцентризм, который обычно бывает в детском возрасте. Затяжное детство усиливают и чрезмерно любящие свое чадо родители. Семьи, состоящие из индивидуалистов, которые не имеют понятия о собственных культурных семейных традициях распадаются, не успев иногда даже законно оформиться. Не редко многие создаваемые в современ-

ности семьи распадаются под натиском родительской сердобольной опеки. В итоге эти супруги, становясь жертвами безграничной любви родителей, мстят им, бросая последних в дома престарелых или ещё того хуже полностью о них забывая. Поэтому сейчас семья перестала быть не только ячейкой общества, но и собственно говоря, семьей. На сегодняшний день это временный союз влюбленных на время производства потомства. Приходится констатировать и то, что кроме семьи вопросами воспитания молодёжи могло заниматься и государство, но чиновничество практически полностью поглощено проблемой сохранения собственного положения и борьбой с общественным недовольством. Таким образом, молодёжь осталась без внимания при существующей так называемой молодёжной политике. Тем не менее, лакомый во всех отношениях кусок российского общества не остался без внимания и без участия заинтересованных лиц.

Молодёжная среда находится в руках IT-технологов и формируется при их участии в выполнении политических заказов заинтересованных сторон. Для этих целей придумываются различные трюки, заостряющие внимание молодого поколения. Один из них это игра на измененных, по сути, животных чувствах и максимализме молодёжи. Фильмы о сексуально озабоченных подростках не случайны. В данном случае подросток, будучи и так во власти собственной физиологии полностью замыкается на удовлетворении своей похоти. Максимализм и отсутствие опыта используют радикальные организации и религиозные секты. До момента, когда человек сможет уразуметь, что его просто провели и используют в чьих-то целях, он может сломать не только свою, но и чужую жизнь. Республиканские и федеральные власти не раз пытались участвовать в формировании молодёжной среды, но эти попытки всегда ограничиваются разовыми мероприятиями, которые выполняют только декларативные функции. Последний пример — это попытка реанимации молодёжных политических партий и создание молодёжного парламента в республике.

Десятилетие суверенитета стало этапом несостоятельности поколения татарстанской элиты, прошедшей школу партийной системы в деле воспитания своей смены. Местные власти

не смогли всерьез заниматься молодёжью в силу объективных и в большей мере субъективных причин. Молодёжь разрознена, и объединить их в одну организацию практически невозможно. Но тщетные попытки собрать татарстанскую молодёжь в единую организацию, контролируемую Министерством по делам молодёжи и спорту РТ привели к созданию в республике радикальных и сектантских молодёжных организаций, которые уже сегодня ведут себя активно, а иногда и агрессивно. Например, печально известные казанские молодёжные преступные группировки вновь набирают силу и собирают вокруг себя новых рекрутеров. Пройдет время и они станут новыми «тяпляповцами» и «такташевцами». Пока некоторые пытались вывести народ на уровень равноправных этнокультурных отношений в рамках федерации и показали всю свою слабость как идеологов от власти и вообще, каких-либо организаторов, народ, а вернее молодая его часть структурировалась в новые сообщества не всегда культурные и не всегда прогосударственные.

Главной стратегической ошибкой стало игнорирование религиозного фактора в самоидентификации татарского народа и любого другого. В последнее время практически силой насаждается идея «евроислама», которая, по сути, является, как высказался известный питерский ученый Пиотровский сектантским учением XIX века. Навязывание сектантства на государственном уровне может отразиться на отношении общества к власти. Отдав религию на откуп коммерсантам, государство уже имеет проблемы с толерантностью разного рода неофитов. В ближайшее время, когда на родину возвратятся многие проучившееся за рубежом, эти проблемы будут только обостряться. В настоящее время среди активной части татарской молодёжи наметилось условное деление на патриотов и чисто верующих. Среди патриотов есть как верующие, так и атеисты, которые пытаются возродить язычество в виде тенгрианства, что в принципе характерно и национал-патриотам других народов.

Мусульманская молодежь, иногда причисляя себя к национальным патриотам, делится на традиционалистов и приверженцев фундаментализма. Первые, обычно используя опыт нашего народа, толерантного тысячелетнего существования в

Российском обществе, избегают деструктивных политических акций. Последние, в российских СМИ чаще называются ваххабитами. Это название не всегда правильно отражает реальность. Тем не менее, провокации религиозных экстремистов дают повод большинству негативно оценивать всех мусульман. На наш взгляд, современные татарские молодые фундаменталисты — жертвы федеральной национальной политики, которая не до конца отражает особенности многонационального многоконфессионального состава федерации. Фундаменталисты чаще не догадываются, что они стали жертвами идеологической обработки, так как до сих пор нет достаточно объективной и полной информации о религиях распространённых в России. Нет также информации о потенциальной опасности деятельности различных сект, которые под личиной традиционных конфессий набирают для себя молодёжь. Конечно, принцип свободы совести должен соблюдаться, но при этом должны соблюдаться и права граждан на полную информацию.

В данной ситуации решение проблемы возможно только при использовании опыта общественных религиозных организаций, которые и нацелены противоборствовать религиозному сектантству, которое несет нестабильность нашему государству. При этом в данном тексте мы не призываем к преследованию за религиозные убеждения. Наоборот необходимо максимально разрешить религиозную и этническую самоидентификацию. Единственно на наш взгляд необходимо ограничить пропаганду нетрадиционных сект и максимализировать пропаганду традиционного ислама. Для этих целей необходимо пересмотреть российское законодательство, где можно четко обозначить традиционные конфессии и современные секты, их параметры и правовые границы.

В какой-то мере для реализации предложенных идей была предпринята попытка со стороны Русской православной церкви. Была произведена попытка ввести в программу средних общеобразовательных учебных заведений преподавание основ православной культуры, что в принципе *de jure* является нарушением принципа отделения церкви от государства. Поэтому, на наш взгляд, в ближайшее время необходимо либо пересмотреть законодательную систему Рос-

сийской федерации, либо не нарушать закон. Тем более что в России проживает не только православное, но и мусульманское население. С другой стороны население должно получать достоверную информацию о религии. Атеистическая точка зрения, преобладающая во многих школьных учебниках, также нарушает принцип свободы совести и тем самым конституционные права российских граждан. Чтобы преодолеть сложившийся кризис в этом вопросе необходимо наряду с православием дать возможность создать контролируемую образовательную систему для всех традиционных конфессий Российской Федерации. Можно, не нарушая конституционных норм ввести предмет культурология, где бы объективно и полно говорилось обо всех распространённых в мире религиях. Так или иначе, российским гражданам необходим религиозный ликбез.

Роль личности и краткий анализ начала деятельности центра «Иман»

Бесспорно, краткий экскурс в наше даже недавнее прошлое невозможен без напоминания о факторах, системно составляющих специфическое мироощущение и понимание того времени, той интересной и опасной эпохи перемен начала 90-х.

Вспомнив ту смутную пору почти паралича власти, деградацию государства, лихорадочный поиск его новой идентичности и модели взаимоотношений народов его населяющих, станет понятным, как проявляются сильные личности. Перемены привели к распаду супердержавы, утрате ее величия, потере сторонников и влияния в мире. Идейный кризис в обществе, почти неуправляемость политико-экономических процессов и постоянное ощущение опасности вынуждали многие талантливые умы фактически выживать в мутной воде зарождающегося капитализма. В такой непростой обстановке нужно было иметь немалую смелость, волю и целеустремленность, чтобы не только понять насущные потребности общества и открыто заявить о своей религиозной приверженности. Но и затем активно повести пропаганду и религиозную работу в молодежной среде. И это во времена почти повсеместных атеистических настроений! Тем более эпохально зарождение центра «Иман» и действительно его значение. Благодаря активности его руководства для работы в орбиту центра стали втягиваться люди самых разных воззрений, образовательного уровня и разных национальностей. Получился занимательный молодой коллектив, где каждому находилось свое применение.

Собственно деятельность «Имана» как Молодежного центра исламской культуры неразрывно связана с его основателем и бессменным руководителем. Тогда еще просто Винер Якупов, а сегодня уже Валиулла-хазрат, несомненно, незаурядная личность. Бывший комсомольский лидер стал вначале активистом татарского национального движения «Азатлык», и в итоге своих системных идейных поисков пришел к мусульманскому вероисповеданию. Конечно, на его месте тогда мог оказаться и

другой молодой амбициозный лидер. Но не нужно забывать и роль личности в истории, в данном случае на этапе так называемого «исламского возрождения». Несомненно, годы работы с молодежью наложили на него свой отпечаток, но нужно отдать должное, свой опыт и устремления ему удалось использовать результативно. Отсюда и его постепенно возросшая популярность среди молодежи и интеллигенции. К этому можно добавить и такой мало кому известный факт. Сам МЦИК «Иман» зарождался при взаимодействии с Исламским культурным центром г. Москвы, который тогда возглавлял хорошо известный ныне депутат Государственной Думы ФС РФ Абдель-Вахид Ниязов. Так вот, вспоминается, как в моем присутствии уже тогда набиравший известность А-В.Ниязов буквально уговаривал В. Якупова перебраться в Москву и помочь ему в работе. На что понимавший актуальность работы в Казани В.Якупов не мог дать ему положительный ответ. В ином случае, образно говоря, Москва, конечно бы в его лице приобрела, но Казань многое бы потеряла. Конечно же, в немалой степени многое удалось ему при взаимодействии с другими активистами «Имана». Хорошо помнится, как состоялось и мое с ним знакомство почти 15 лет назад в Казанской мечети «Нур-ислам», где я в летние каникулы преподавал основы ислама и арабского языка. Помню, как вместе мы начинали. Откуда было знать, сколь небесполезным окажется встреча и плодотворным будет дальнейшее сотрудничество. Естественно, время все расставило на свои места.

Мне же к тому времени уже довелось познакомиться с очень интересными личностями, к примеру с Гейдаром Джемалем, Валиахметом Садуrom. Но особую роль до того сыграл Мухаммед Саляхутдин, фактически лидер московской мусульманской молодежи, с которым я познакомился в середине 80-х в Казани. Даже будучи в Москве, он всегда старался помочь или хотя бы дать дельный совет, помогал принять участие во многих религиозных мероприятиях. Во многом с его помощью довелось побывать в самых разных городах, среднеазиатских и кавказских республиках СССР, оценить там ситуацию и увидеть самых различных мусульманских деятелей.

Далее, уже работая в центре «Иман» и при благосклонном отношении его руководителя, мне довелось уехать для продолжения обучения частным образом в медресе-«худжра» в Сред-

нюю Азию. В целом это дало возможность довольно точно оценить устремления мусульман-неформалов, уловить главные тенденции, преобладавшие в республиках с преобладающим количеством мусульманского населения в эпоху распада СССР. Еще со школы я интересовался политикой, проводил политинформации, старался узнавать новости из самых разных источников. Это помогло усвоить истину, что свято место пусто не бывает, а изучение политики и ее анализ помогают точному миропониманию и геополитическому прогнозированию. В постперестроечных условиях при ослаблении коммунизма это дало комплексное видение многих политических процессов, произошедших тогда, можно сказать, пробудило интуицию.

Интересно вспомнить, что в конце 80-х годов на фоне ослабления советского влияния произошел качественный рост мусульманской активности во многих странах, прежде всего Африки и Азии. Вывод советских войск надолго усилил в Афганистане гражданскую войну, кардинально изменил политико-психологический климат и баланс сил в Центральной Азии. Усилилось исламское влияние постреволюционного Ирана, одним из следствий которого стало смелое послание имама Хомейни от 1 января 1989 г. Михаилу Горбачеву «Путь, ведущий к истине» с призывом принять ислам. В том же году в Судане пришли к власти исламские силы во главе с Хасаном Ат-Тураби. Заметно усилился ажирский Фронт исламского спасения, выигравший позже на выборах 1992 г. и повергший в шок мировую демократическую общественность. Стала меняться ситуация на всем Ближнем Востоке, радикализируя религиозных активистов. Если в светской политике в самом СССР стали преобладать почти диссидентские настроения, то в мусульманской сфере параллельно усилилось влияние деструктивных воззрений, системно встроенных в логику фундаментализма. Все это подпитывалось идейно и материально, и так называвшаяся запрещенная литература стала почти открыто продаваться на возникших книжных рынках Северного Кавказа и Средней Азии, усиленно распространяться среди малограмотной и незанятой молодежи. Потому не вызвало удивление происходящее в республиках Северного Кавказа и то, как проявили себя, например в Таджикистане, активисты зародившихся партий и просто авантюристы, что привело взрывоопасный регион к

гражданской войне. Уже тогда при отсутствии влияния официального духовенства и проявлении дезинтеграционных процессов, активизировались тенденции дальнейшего идейного, материального упадка этих провинций. В среднеазиатских и кавказских республиках активизировалось агрессивное исламское подполье как некое концентрированное выражение чьих-то интересов, распространяя убеждение, что СССР как оплот коммунизма и безбожия скоро распадется. Но его дни были сочтены по самым разным причинам. Мне же тогда казалось уместным сравнение его с гигантской железной консервной банкой, внутри которой началось активное брожение умов и устремлений, в итоге ставши детонатором разрывных процессов. Результатом стали изменения не только в мире социализма, но и глобальные изменения во всем мире, чего не ожидали ни друзья, ни враги. Видимо, все произошло по высказыванию Ленина: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединяться, нужно решительно и серьезно размежеваться».

Вторым врагом ислама давно уже числились США как центр империализма Западной Атлантической цивилизации и оплот зарождения военных интервенций. СССР не стало, но вот Россия за исторически короткий промежуток осознала свои опасности, сделала уникальный политико-экономический поворот, что ей позволило даже укрепить отношения со многими странами мусульманского мира и даже стать в этом году наблюдателем в Организации Исламская Конференция. Получилось, можно сказать, наоборот: «От ненависти до любви один шаг». Не стоит преувеличивать, но не стоит недооценивать значимость подобной политики.

Вот Соединенным Штатам и тогда тайно завидовали, одновременно испытывая ненависть, которая все отчетливо ощущалась в мусульманском мире. Но вместо того, чтобы умнее воспользоваться своей доминантной и притяжением, правительства США втягивали свои вооруженные силы в конфликты, прямо или косвенно затрагивающие мусульманский мир, вторгаясь на чужие территории. Империалистические устремления, видимо, не позволили Штатам не учесть ни опыт Британской империи, ни опыт недавний опыт СССР. Схлестнувшись с исламским миром, США стали искусно подавлять инакомыслие у себя и во всем мире, подменяя понятия и применяя двойные

стандарты, подчиняя целые страны, строя новые тюрьмы и провоцируя конфликты. Так в современное время стал реализовываться агрессивный американско-израильский план «Большой Ближний Восток». Все-таки аналогия США с СССР хотя и не совсем корректна, но слишком явно сверхпроникновение американского государства в частную жизнь своих граждан, за счет многочисленных спецслужб и мощно воздействие пропагандистской машины из Голливуда и СМИ. Нужно отдать должное точно рассчитанному американскому гостеприимству, но посещение мною этой страны по линии Госдепартамента после событий 11-го сентября, летом 2002 года, не убедило в ее благополучии ни в сфере межрасовых, ни в сфере международных, ни в сфере межрелигиозных отношений. С научной точки зрения понятно, что слабость системы в самой системе.

Даже создающая видимость благополучия европейская государственная машина сегодня дает явные сбои. События последнего времени, например, даже в высокоразвитых и состоятельных Нидерландах, Великобритании, Франции, разные местечковые столкновения не оставили иллюзий относительно декларируемого благополучия в этих сферах. Так проявляются все новые глобальные геополитические мишени.

Но вернусь к анализу деятельности центра «Иман». Здесь важно отметить его основные векторы: просветительство и пропаганда, международные связи, организационные мероприятия и благотворительность. Конечно, на первый взгляд это заурядная деятельность. Но в тех специфических условиях самого начала 90-х для это было неординарно не только для Казани, особенно на фоне отсутствия должной религиозной грамотности. Если и начался бурный рост мусульманских организаций, то это был период их учреждения и регистрации, строительства новых мечетей, чем собственно качественная работа. Тогда еще почти никто не знал разницу между шиизмом и суннизмом, особенностей школ-мазхабов, многие забыли про важность сохранения выработанных столетиями собственных традиций, не понимали всех опасностей сектантских и экстремальных воззрений.

В этой связи весьма актуальным стало именно просветительство, грамотная пропаганда путем организации курсов, тематических вечеров, семинаров изучения основ ислама и арабского языка, проведения ознакомительных встреч с рели-

гиозными деятелями и молодежных летних лагерей, выступлений по радио и ТВ, печатание и распространение учебных пособий, многочисленных брошюр и книг. Главной идеей работы «Имана» всегда было возрождение исламской культуры на основе традиционного суннитского ислама ханафитского толка, что было закреплено в его уставе. Мазхаб Абу Ханифы стал иметь юридическое подтверждение в уставах всех мусульманских организаций в Татарстане.

По поручению МЦИК «Иман» мне довелось преподавать арабский язык. Вначале на курсах, затем в 2-х годичном медресе при Закабанной мечети, позже преобразившемся в Казанское высшее мусульманское медресе им.1000-летия принятия Ислама. Принимал участие в составлении программных документов и учебных планов. В дальнейшем это привело к совместному участию активистов «Имана» в создании во многом уникального Казанского высшего мусульманского медресе «Мухаммадия», основателем и первым ректором которого был Валиулла-хазрат. Тот бесценный опыт позже был применен мною уже в конце 90-х при создании Российского Исламского Университета, я же вначале стал его секретарем. Но если вспомнить и быть справедливым, то университет все же задумывался как уникальный вуз и научно-исследовательский центр, не ограниченный примитивными рамками сугубо религиозной тематики. Потому мне жаль, в том числе собственных усилий, и считаю ошибочным, что в итоге он оказался столь далеко ушедшим от поставленных более серьезных целей и задач.

Но вернемся к нашему центру. К примеру, что можно сказать об издательско-пропагандистской деятельности центра? Вы и сами это хорошо знаете: сегодня успешно действует целое издательство, переведены и напечатаны сотни книг и брошюр, выходят многочисленные журналы и газеты.

Из проведенных мероприятий приятно вспомнить организацию вечеров, как тематических, так и ознакомительных, молодежных летних лагерей. Для участия, например, на одном из них, первом мусульманском лагере в п/л «Солнечный» в Казани, прибыли проповедники из Саудовской Аравии, среди которых были представители разных профессий и даже один гражданский летчик, вызвавший интерес. Он оказался очень простым в общении мусульманином, ненавидевшим Америку, и

поведал о разных мнениях среди подданных Саудовского королевства, но не прояснил, существует ли там организованное противостояние.

Вспоминается и международная конференция «Вторая исламская встреча мусульман Восточной Европы и независимых мусульманских республик» осени 1992 года, проведенная в Москве при помощи Исламского университета Имама Мухаммеда Бин Сауда. Для помощи в ее организации мы поехали от центра «Иман», туда прибыли мусульманские теологи разных стран. На ней были выданы приглашения, в том числе для ребят из Татарстана, на религиозную учебу в исламские университеты. Помнится, тогда я их передал Габдулле-хазрату Галиуллину, вполне осознавая его будущее значения как муфтия в Татарстане.

Несомненно, вся деятельность центра «Иман» требовала интеллектуальных и материальных ресурсов и затрат. В финансовом плане свою роль сыграло и взаимодействие с международными исламскими организациями. Возникали проекты с неизвестной Международной исламской организацией «Спасение», американо-саудовской «Таййиба» и «СААР фаундейшн», Всемирной Ассамблеей исламской молодежи, делались попытки отношений с исламскими центрами Великобритании, Пакистана и Турции. Это сегодня все хорошо усвоили истины, что ничего бесплатного не бывает, что у каждой стороны две медали. Но тогда, в силу долгого воздействия атеизма, развитие подлинно религиозного самосознания было, видимо, невозможно без взаимодействия с зарубежными исламскими организациями. К тому же отечественные, как и вся страна в целом, были заняты лишь собственными проблемами, не строили далеко идущих планов, потеряв стратегическое видение. И все же нельзя не отдать дань смелости центра «Иман», который умудрялся приглашать в Казань для проведения мероприятия самых различных зарубежных деятелей. Так, например, один из них — известный чтец Корана из Иордании Хусам Абдурахман вскоре и сам перебрался в Казань, занялся преподаванием, женился здесь и получил российское гражданство.

Благотворительность — не только непосредственная помощь нуждающимся. Центр «Иман» оказывал и материальную помощь, и поощрял, предоставлял возможность заработать, давал рекомендации при поиске заработка. Кроме того, прово-

дил коллективные акции: благотворительные обеды, разговения — ифтары в месяце Рамадан. Отдельно необходимо отметить нескольких проведенных «медицинских автокараванов» с выступлениями, бесплатными обследованиями больных и задачами дефицитных медикаментов, в основном сельскому населению. Сколько благодарности читалось в лицах нуждающихся.

Несомненно, более всего важен сам пример активного участия молодежи в деле возрождения религиозных традиций. Если богобоязненность старушек и посещение пенсионерами мечетей никого уже не удивляло даже в советские времена, то новаторство юного поколения не только восхищало, но заставляло задуматься и хотя бы отнестись со вниманием к происходящим переменам в обществе. Этим-то и значима актуальность и специализация МЦИК «Иман». Именно важность работы с молодежью, установление связи молодого поколения с более старшими, помощь в постепенной адаптации к опасной среде начала 90-х и правильном использовании своего потенциала являются главными заслугами центра «Иман», подтверждением дальновидности его руководства. Уже сегодня известно, что многие из тех молодых людей, тогда еще озабоченных поиском своей идентичности, смогли позитивно изменить свою жизнь и достойно применить свои способности.

Более того, центр «Иман» в тот период смог не только удовлетворить запросы активной части населения, причем разных его представителей, молодых и пожилых, рабочих и интеллигенции, но занял свою особую нишу в сообществе мусульман республики и даже за ее пределами. Сама география впечатляет: организация подписки и рассылка информационных носителей даже в отдаленные населенные пункты страны, переписка с организациями бывшего СССР и целого ряда зарубежных стран. Немаловажно и то, что своей активностью центр «Иман» фактически способствовал зарождению, развитию и единению республиканского Духовного управления мусульман Татарстана. Таким образом, для наступившего периода религиозной стабилизации центр «Иман» свое немалое дело сделал.

Обучение в начале 90-х в среднеазиатской системе дало представление о воззрении фундаменталистов, среди которых были особо влиятельны «Братья-мусульмане». Еще с советских времен были знакомы труды востоковедов, а затем и появи-

лись религиозные брошюры, имеющие к ним отношение. Считаю, что консультации о них весьма пригодились руководству МЦИК «Иман». Кроме того, когда пришло, одно за другим, 2 приглашения: в Иорданский светский университет в Аммане и в Исламский университет г.Медины, я уже знал, что Хашимитское Королевство Иордания — это не только весьма интересное место между Саудовской Аравией, Израилем и Ираком.

Интересна та история, если вспомнить, что в университетском Центре арабского языка в нашей группе было 4 молодых ребят из бывшего СССР: татарин из Ленинграда, чеченец из Грозного, азербайджанец из Баку и я. Интересна дальнейшая их судьба. Трое из нас жило в Аммане на аренде вместе с майскими студентами, которых их государство направляло для обучения в арабских странах. У чеченца же в Аммане были высокопоставленные родственники. Там вообще много выходцев из Северного Кавказа и в королевской гвардии телохранителей служат только чеченцы или «черкесы» как их называют. Азербайджанец поддался посулам просаудовских шейхов и затем уехал туда на учебу, татарин же остался и успешно обучался на Шариатском факультете. Кстати, затем он переехал на преподавание в Казань. Однако вот с чеченцем я несколько раз дискутировал и, поняв его настрой и царящие там представления, точно предсказал ему боевые действия в Чечне за 2 года до их начала. Что было с ним после моего отъезда мне неизвестно. Закончив 1993-й учебный год, я вернулся домой, приехал в Казань. Меня сразу же пригласили возглавить Отдел международных связей ДУМ РТ. Но это уже следующая история.

Хочется завершить свои воспоминания некоей аналогией. В 1992 году для того, чтобы выехать за границу еще действовала система рекомендаций. И для выезда в Амман в 1992 году мною было получено направление от Комиссии по выездам при Совете министров РТ на основании рекомендаций от 3 организаций: Центра «Иман», Духовного управления мусульман РТ и Совета по делам религий. Если серьезно вдуматься, то своеобразие этих организаций и сегодня отражает некую многоуровневую вертикаль отношений: Центр «Иман» всегда работал с простыми, рядовыми мусульманами, ДУМ РТ — с имамами и интеллигенцией, а Совет по делам религий — координатор отношений религиозных организаций с органами государственной власти.

Краткий обзор литературы об Исламе на русском языке, выпущенной Центром «Иман»

В последние годы в нашей стране заметно вырос спрос на литературу об Исламе. Причем интерес проявляется к хорошей, содержательной литературе, к правдивой и глубокой информации. С нашей точки зрения, Центр «Иман» внес очень весомый вклад в дело выпуска и распространения такого рода изданий, т.к. его произведения охватывают практически все темы, связанные с Исламом, все уровни подготовленности читателя; в них представлены материалы, собранные и написанные в разные эпохи.

Мы хотели бы отметить следующий важный факт: по мере развития своей деятельности Центр «Иман» осваивал все новые разновидности своей периодики, и начатые проекты никогда не прерывались. К периодическим изданиям об Исламе на русском языке относятся газета «Вера», журнал «Мусульманский мир», выходящие с 90-х годов, и такая «новинка», как «Мусульманский календарь», который впервые вышел в 2002 г., и спрос на него с каждым годом растет. Интерес к календарю вполне объясним, так как это очень удобное и нужное для мусульман издание, содержащее важнейшую информацию о праздниках и в целом о ритуалах богослужения, в том числе и о времени их проведения. Что касается газеты и журнала, то вы встретите в них и обсуждение вопросов вероучения, и статьи об актуальных проблемах, сообщения о новостях в мусульманских странах, публикации о богатейшей мусульманской культуре.

Теперь мы постараемся дать вам общее представление о выпускаемых книгах и брошюрах. В таком кратком обзоре надо выделить самое главное. Во-первых, книги Центра «Иман» рассказывают обо всех предметах, относящихся к вероучению и культовой практике Ислама, обо всех сторонах жизни мусульман. Есть книги по истории мусульманской религии, есть многочисленные жизнеописания. Во-вторых, Центр «Иман» обращается к актуальной теме различных толкований религиозных постулатов, его книги дают представления о различных течениях, толках, школах, но проповедуется, если такое слово

уместно в данном контексте, то, что называется суннитским Исламом, традиционным Исламом, мазхабическим Исламом, много внимания уделяется распространению ханафитского мазхаба. В-третьих, Центр «Иман» может предложить книги и тем, кто обладает лишь небольшим запасом знаний и представлений о нашей религии, но интересуется ей, и «новичкам» в Исламе (здесь мы имеем в виду тех, кто начинает изучать религиозные принципы и исполнять обряды поклонения), и тем, кто ищет сложные богословские исследования.

Еще один примечательный факт. «Иман» выпустил большое количество переведенных на русский язык произведений татарских богословов, в том числе и тех, которые оставались неизвестными долгие годы, особенно с учетом того, что написаны они на арабском. В этом с Центром «Иман» не может сравниться ни одно издательство. Точно так же и в издание уникальных, серьезных трудов богословов всего мира Центр «Иман» внес свой неповторимый вклад. В качестве примера можно упомянуть «Энциклопедию суфизма», объемный труд современного сирийского автора.

Теперь можно привести еще примеры хотя бы названий книг, вышедших в 2005 г.: «О знании незримого. Восхваление Пророка», Сборник хадисов имама Насаи, «Ребенок мусульманина. О воспитании» Джалиля хазрата Фазлыева, проповедь Габделхабира хазрата Яруллина «О приветствии», «Ваххабизм: понимание корней экстремизма»; «Общероссийский муфтият», «О помощи душам умерших» — книги Валиуллы хазрата Якупова.

На этом можно завершить наш краткий обзор. Единственное, о чем хотелось бы сказать еще,— это язык литературы, изданной Центром «Иман», вернее его особенности, связанные с активным использованием слов арабского, персидского, татарского происхождения, а также с толкованием тех или иных терминов. Фактически, цели и задачи деятельности Центра «Иман» способствовали тому, что некоторые произведения внесли определенный вклад в развитие того, что можно назвать «исламско-шариатским сегментом лексики современного русского языка». В литературе, изданной Центром «Иман», можно увидеть изредка и авторские неологизмы и стилистические находки, связанные с обращением к малоисследованным фактам жизни мусульман и бытования мусульманской религии.

Әлмира ҺӘДИЯ (Әдиатуллина),
Татарстанның атказанган
мәдәният хезмәткәре, хажия,
«Мөслимә» гәзите баш мөхәррире,
жәмәгать эшлеклесе.

Кыйммәтлеләрнең дә кыйммәтлесе

Бисмилләһир-рахмәнир-рахим!

(Ш.Мәрҗани исемендәге Тарих институты залында сөйләнгән нотык)

«Иман» ислам мәдәнияте мәркәзенә 15 ел тулды. 15 ел әл-ләни олы дата түгел, әмма ләкин формалашып, бәдәнәнә көч-егәрлек жыеп, мускулларын-яшәү тукумаларын ныгытып-тыгызлап, көч-кодрәткә ия булып килүче пәһлеван егетне хәтерләтә ул.

Әлеге мәркәз — хәзинәи-ядкәр тупланмасы да булып тора. Ул тупланма-жыентык-тасфирнамәдә нәрсәләр бәян ителә икән ә? Әйдәгез, аның сәхифәләрен бергәләп актарык әле, мөһим чара-вакыйгаларга, билгеләргә күз салыйк.

Туксанынчы еллар башы. Узган гасыр, без хушлашкан гасырның соңгы унъеллыгы. Ул дистәнән башында 1990 елда оештыруды ул мәркәз. Мин әле бүгенгедәй хәтерлим "Казан" милли мәдәният үзәге бинасындагы залны, сәхнәдәге трибуна артындагы бер милли-дини яшь жылкенчәк ихлас күңеләнән мәркәз оештырылуын бәян итә. Бу чара безгә яна, әлегә без аңа төшенеп тә бетмибез кебек. Әмма, без аны аңларга тырышабыз, калыпланган, юшкынланган бәгыребезгә килеп бәрелгән сүзләр, бер үк вакытта, безгә чит тә түгел иде кебек шикелле. Яшьлек давылыннан калкып чыгып, безләргә һәм залдагы бездәйләргә өмет уты белән имани чакыру ирештерүче кем иде соң? Чандыр гәүдәле, дөнья күзенә туры караучы, рухият яңалыгына өндүче яшь егет — шәкерт — Вәлиулла Ягъкуб иде. Ул яшь булуына карамастан, ижтимагый оешмалар белән элементне булдыру хакында дәрәс карарга килгән булган. Матбугат йортындагы редакцияләргә чакыру язучулары китергән иде, безнең "Азат хатын" журналына да чакыруы килгән иде. Аннан соң да "Иман" укуларына да, өлкәннәр һәм балалар

өчен оештырылган жәйге уку лагерларына, анда узган бәйгеләргә гел чакыру ала идек. Бәхеткә каршы диик инде, минем бәхетемә чакырды ул безләрне. Була һәм булган, булачак «Иман» мәркәзе чараларын журналыбызда һәм башка матбугат чараларында яктыртып бардым. Рухият дөнъясына шулай юлым ачылды. Аллага шөкер! Беренче ихласи адымнарым хаж кылу сәфәренә барып тоташты, мин аннан яңадан «туып» кайттым. Мин үземне «Иман» мәркәзе яшьтәше дә дип саный алам, 1993 тә кабат туган көнемнән дисәм, миңа — 12 яшь.

Вәлиулла хәзрәт Ягъкуб хәстәрлегендә «Мөхәмәдия» мәдрәсәсе ачылды. Аның бинасын кабат мөселманнарга кайтаруда байтак кына "жәфаланырга" туры килде. Әмма кабызылган беренче чыракның яктысы, «Иман» мәркәзенен нуры Казанга — Татарстанга гына түгел, Бөтенрусияне яктырта һәм жылыта башлады. Ул нәширлек — китаплар, гәзит-журналлар чыгару эшенә тотынды. Бәяләре кыйммәт булмаган, тынычлык дине, пакъ, хакыйкый динебез хакында, ислам дине кыйммәтләре, Пәйгамбәребезнен (с.г.в.) тормышы, хәдисләре, атаклы ислам галимнәренен мирасы һәм башка бик күп китаплар, эсбаплар дөнъя күрдә. Күпләрнен, бик күпләрнен күзен ачты Вәлиулла хәзрәт Ягъкуб житәкчелегендәге «Иман» мәркәзе.

Алгарак китеп булса да әйтим әле. Бүгенге көнгәчә «Мөхәмәдия» мәдрәсәсенә әлеге мәркәз чыгарган китаплар, белешмәләрдән укып киләләр, Бөтенрусия төбәкләреннен. Шулай итеп, мәркәз буыннар чылбырын гына түгел, төбәкләр чылбырын да ялгаучы, тоташтыручы нык божра да булып тора. Русия мөселманнарын, өммәтне туплауда да аның роле зур.

Без әле һаман да иманга кайту юлындабыз. Ислам хикмәтләрен үзләштерү белән мәшгүльбез. Динебезне, Аллаһ Сөбханәһү вә Тәгалә кушкан эмерләрне көндәлек яшәү рәвешезгә кертү, шәригать кануннарын үтәү, исламча яшәргә омтылу процессы һәр күңелдә бердәй түгел, һәр күңелдә үзенчә бара. Хәер, Аллаһы Тәгалә каләбне ачсын өчен һәрберебезгә үзебезнен тырышлык сорала. Күп дистә еллар сургычланып, пичәтләнган юшкын катламын ватып, каләбен тазартырга һәркем бурычлы. Алай дигәннен «Иман» мәркәзе бу эшне дә беренчеләрдән булып, башлап жибәрде. Узган гасыр ахыры, бу гасырыбыз башындагы мөселман хатын-кызлары хәрәкәтенә теләктәшлек һәм үзара аңлашу, киңәшче һәм ярдәмче, «Иман»

мәркәзе житәкчесе Вәлиулла хәзрәт булды бит. Мин үзем «Азат хатын», «Сөембикә» журналында утыз ел эшлэгән каләм иясе буларак, мөселман хатын-кызлары оешмасы төзү зарурлыгын һәм ихтыяжын тоя идем. Оешкан елларыннан башлап, мәркәз Иман көннәре уздыра һәм килүчеләргә кочак-кочак китаплар бүләк итә иде. Шундый көннәрнең берсендә жыелыштык та оешма — Берлек оештырырга ниятләдек. Күрәсен, адәми зат сыйфатының берсе — тәвәккәллеге өстенлек алгандыр, Аллаһуның рәхмәте белән. (Мин үзем беренче сыйныфтан алып, бөтен елларда да, Казан Дәүләт университетында укыганда да, «Мөхәммәдия» мәдрәсәсендә укыганда да староста булдым).

Аллага шөкер, Мөселман хатын-кызлары Берлеген оештырдык, Казаныбызның йөзен булдыруда, кешеләрнең әдәп-әхлагын төзәтүдә, шәһәрәбездә начар күренешләргә — белдерү такталарын алдыруда, «Досуг» дигән, наркомания, спидка каршы, паспортка яулык белән фотосурәткә төшү, Казаныбызны 1000 еллыгыбызга әзерләүдә, Чеченстанда барган сугышка каршы хәрәкәтебез булды. Төнге клубларга, уен автоматларына каршы, ниһаять, Гыйракта барган сугышны туктатуны таләп итеп, Америка Президенты Джордж Бушка да мөрәжәгать иттек, аның Мәскәүдәге илчелегеннән җавап хаты да алдык. 6 ел рәттән, Кабан күле буендагы «Шәкертләр майданы»нда мөселманнар жыены үткәрдек. Кол Шәриф мәчете янындагы «Раки» сыраханәсен алдырдык. 8 мәртәбә 4-17 яшьлек кыз һәм ир балалар арасында әдәп-әхлаклы булу һәм дәрәс итеп Коръән уку бунча «Сөембикә сөнелләре һәм энеләре» дигән бәйге үткәрдек. Киләчәктә дә иманлы галимнәр тәрбияләшү күздә тотыла, Аллаһы боерса!

Болар эле башкарылган эш-гамәлләребезнең кайберләре генә. Әле алда башкарасылар чуктин-чук күп. Бу хезмәтләребездә без «Иман» мәркәзенә рәхмәтлебез.

Вәлиулла хәзрәткә эле рәхмәтебезнең тагын да олысы бар. Аңа Аллаһ рәхмәт итсен! 1997 елдан (декабрьдә 2 сан чыгардык) без «Русиядә бердән-бер гәзит «Мөслимә»не чыгара башладык.

Аллага шөкер! Изге Коръәнебез һәм Пәйгамбәребез Мөхәммәднәң (с.г.в.) хәдисләре яктылыгында кешеләрне үз асылыбызга кайтарырга тырышабыз. Эшләнгән эш-гамәлләребез, мөрәжәгатьләребез һәм аларга бирелгән җаваплар гәзитебез битләрендә урын ала. 96-100 саннарыбызны эшлибез, Әлхәмдүлиллаһ!

Хәзер без узган гасыр башында чыгарылган гәзит-журналларның да эшчәнлеген өйрәнәбез, югары уку йортларында укучы шәкертләр дә, галимнәр дә аларның тоткан мәсләкләрен тикшерәләр. Мин дә гәзитемне өзеләпләр яратам, бүгеннән үк мин аның өйрәнеләчәгенә ышанам. «Мөслимә» гәзитем дә имани күтәрелеш елларының имани зыңгылдаулы бер кылы булып тора.

«Иман» мәркәзндә утызга якин гәзит-журнал нәшер ителә, китаплар, ярдәмче әсбаплар һәм башка бик күп мираси китап-басмалар дөнья күрә.

15 ел эчендә мәркәздә башкарылган эш-гамәлләрне санап чыгу да күп урын алыр иде. Киләчәктә барыбызга да хәерле, игелекле гамәлләр кылырга насыйп әйләсән иде, Раббым! Мәркәзебез кыйммәтлеләрнең дә кыйммәтлесе.

Тарихлар буенча беләбез. Шәхесләр генә үз артыннан ияртү йогынтысына, көченә ия була. Бүгенге көндә Татарстан Жәмһүрияте мөфтиенең беренче урынбасары, тарих фәннәре кандидаты Вәлиулла хәзрәт Ягъкуб шундый шәхес булып тора һәм үзем дә.

Киләчәктә, их, боларны да булдыра алсак иде дибез:

1. Мәгърифәт Үзәге булдырсак иде.
2. Корбан бәйрәме ләззәтен, Казаныбызның, Татарстаныбызның барлык кешеләренә дә житкерәсе иде, ягъни ул көнне генә булса да, хәлэл ит кенә сатылсын иде.
3. Ураза аенда башка милләт кешеләрен ифтарга чакырып, ислам диненең игелеген аңлатасы иде?!
4. Туташ-кызларыбызга ачык изү белән кендек күрсәтеп йөрүнең зарары хакында аңлатырга бер зал — урыныбыз булса иде.
5. Президент аппаратында һәм Министрлар кабинетында намаз уку урыннары булдырсалар иде, шулай булса, намаз укысалар, халыкның зар-ихтыяжларын да аңларлар һәм саваплы һәм дөнья-ахирәт бәхетенә ирешерләр иде.

Трансформация мусульманских обрядов в быту татар (к вопросу этнической самоидентификации)

Аспектом данного сообщения является рассмотрение места и роли мусульманских предписаний в современной семейной обрядности татар на основе анализа большого фактического материала, собранного автором в течение последних десятилетий этнографическим методом — посредством опроса информаторов, так и путем включенного наблюдения обычаев, обрядов и праздников в среде сельских и городских татар Поволжья, Урала, Западной Сибири.¹

Неотъемлемой чертой традиционной семейно-бытовой культуры и обрядности являлось тесное переплетение обрядов этнического происхождения с исламскими, распространенными во всем мусульманском мире. Этническую жизнь татар просто невозможно представить без исполнения таких мусульманских обрядов, как Корън уку — чтение Корана, дога кылу — чтение молитв, садака өлшү — раздача подаяния. Они являлись стержнем таких событий, как свадебные торжества, имянаречение, похоронно-поминальный комплекс. Это переплетение было настолько органичным, что даже официальное, юридическое оформление этих событий проводилось не в учреждении, не в мечети, а в домашней обстановке во время званых обедов — никах туе, исем кушу. Дома же проводились и поминки — өчесе, Пидесе, кырыгы, елы.

Мусульманский обряд бракосочетания — никах имел четкий, разработанный ритуал: в ходе его исполнялись обязательные действия, произносились обязательные речевые формулы, применялась определенная атрибутика, обусловленная местными условиями и ставшая этнической традицией. Выделить в этой синкретической ритуальной системе чисто религиозный (мусульманский) и чисто этнический (татарский) компоненты, разграничить их практически невозможно. В порядке и названиях ритуальных действий, в их форме и содержании одновременно находили выражение и этнический, и конфессиональный

характер, и определенный тип культуры, занимавший свое особое место в общероссийской и восточноевропейской системе.

Начинался он с фиксации материальных условий заключения брака, которые прежде всего касались обязанностей со стороны жениха, то есть по существу с заключения брачного контракта — мәнәр. Он прежде всего предусматривал определенную сумму денег, которую в случае развода по инициативе мужа последний должен был выплатить своей жене. В татарский брачный контракт вписывалось также то имущество (например, клеть, корова или теленок и т.п.), которое передавалось в собственность молодой. Далее фиксировался перечень вещей для невесты, присылаемых из дома жениха, в основном, предметов одежды: отрезы на платье, пальто или шуба, ичеги, платки, шали и т.д. Набор вещей был единым, но естественно, в конкретных случаях различался по качеству и зависел от материального положения роднящихся семей. Фиксировался и перечень продуктов, присланных для приготовления угощения в доме невесты (мука, мясо, масло, чай, сахар и т.п.), а также небольшая сумма денег, которая использовалась на свадебные расходы.

Если в аулах татар-мишарей все перечисленное называлось одним словом — мәнәр, то казанские татары предметы одежды для невесты называли словом калын, а деньги, используемые на свадебные расходы — тарту, тарту акчасы, хотя все вместе в книгу регистрации брака заносилось под названием мәнәр.

Никах проводился в доме невесты. Это свадебное застолье так и называлось — никах туй и являлось первым в серии свадебных торжеств, пиров — туй мәжлесләре. За этим столом находились только мужчины — отцы жениха и невесты, близкие родственники с той и с другой стороны (женщин угощали позднее). Сами молодожены при этом не участвовали: жених находился у себя дома, нередко в другой деревне, в невеста — за занавесью в этой или другой половине избы.

После церемонии записи мәнәр мулла спрашивал о согласии молодых на этот брак. Поскольку их при этом не было, кроме ее отца отвечали два свидетеля — вәкилләр, которых специально отправляли узнать о ее согласии. Причем вопросы и ответы в одинаковой форме повторялись трижды. Затем мулла зачитывал выдержку из Корана, посвященную бракосочетанию. На

этом официальная часть завершалась. Начиналось свадебное угощение.

Обряд наречия имени — исем кушу, ат кушу проводился в домашней обстановке с приглашением муллы и почетных старцев — родственников, соседей (мужчин). Имя ребенку давали через несколько дней после рождения. Оставлять его без имени дольше считалось опасным, т.к. он мог заболеть, или «шайтан даст имя». Сама церемония заключалась в том, что младенца на подушке подносили к мулле. Он поворачивал подушку таким образом, чтобы ноги младенца были направлены в сторону кыйбла — в сторону Мекки. Стоя у изголовья ребенка, мулла произносил выдержку из Корана — Азан и, наклонившись к нему, называл имя. Это повторялось трижды, после чего делалась запись в книге регистрации новорожденных.

Судя по надписям, переписным листам и другим историческим источникам, вплоть до XIX в. преобладали имена тюрко-татарского происхождения. В XIX в. картина резко меняется. Под влиянием и при активном участии духовенства, получившего религиозное образование в различных медресе Бухары, стали внедряться «исламские имена», смысл которых сводился к прославлению Аллаха и пророка Мухаммеда. Большими тиражами и многократно были опубликованы «соответствующие шариату» именники и циркуляры по правильному написанию отдельных имен². К концу XIX в. такие имена стали преобладающими.

Каждому мальчику делали обрезание — сөннэт. Занимались им профессионалы, называемые баба, бабачы, которым это умение передавалось по наследству от отцов и дедов.

Традиционный комплекс похоронно-поминальной обрядности состоял из канонизированной части, нашедшей отражение в шариате и регламентирующей подготовку умершего к погребению и порядок погребения (обмывание, обряжение умершего, рытье могилы, отдельные требования к поведению живых в данной ситуации). Не менее значимой была другая часть — поминальная обрядность, истоки которой связаны с этнической историей народа. Вместе они составляли единый комплекс. Именно в своем единстве он воспринимался как мусульманский и был неукоснительным для исполнения.

Долгие годы государственного атеизма успешно вытеснили Ислам из быта татар как религию. Существенные изменения

произошли в структуре и сути семейно-бытовой обрядности. Однако наряду с новыми моментами в ней продолжали бытовать мусульманские, приспособиваясь к изменившимся условиям. Так, к 1970-м годам почти исчез термин «никах туй». Но появилось выделение в свадебном цикле особого званого обеда «оьлар туе», или «картлар туе», на которое приглашались пожилые родственники. Именно во время этого званого обеда проводилось религиозное оформление брака — никах, юридическое же (документальное) закрепление брака стало проводиться в органах ЗАГСа, в деревнях — в сельских советах.

Запреты, гонения на религию и религиозных деятелей привели к тому, что никах туй стали проводить без широкой огласки, с приглашением узкого круга родственников. Ввиду того, что не осталось грамотных, получивших специальное образование представителей духовенства, обряд стали проводить знающие молитвы пожилые мужчины; в ритуал никах стали проникать нововведения. В частности, обязательное предписание шариата — составление мәһәр постепенно превращалась в символический акт.

Еще в конце 1950-х годов были нередки случаи, когда старик, исполняющий роль муллы, составлял документ мәһәр. Он записывал и данные о вступающих в брак, и определенную сумму денег, и перечень вещей, передаваемых в дар невесте со стороны жениха. Правда, эта бумага у муллы и оставалась. Никакой силы, ни юридической, ни гражданской, ни даже моральной она не имела. Присутствие при этом самих молодоженов было не обязательным. Характерно, что если молодые (в советских условиях чаще всего комсомольцы) от этого акта отказывались по идейным или карьерным соображениям, родители могли провести обряд никах и не оповещая об этом молодых. Кстати, по данным о заключенных браках в 1980–90-е годы о мәһәр уже не ведется и речи, вообще не упоминается. Нередко, особенно в городской местности, молодежь не знает даже значения этого слова.

Время запретов еще больше упростило ритуал имянаречения. На исем кушу стали приглашать лишь нескольких, а чаще всего двух стариков, знающих религиозный обряд. Если же в семье был дед, то вообще никого не приглашали. Он сам, по своему умению, проводил его. Официальную же регистрацию

новорожденного, сводящуюся к простой выдаче документа, проводили в сельском совете или в органах ЗАГСа.

В 1960–70-е годы даже в сельской местности, где традиционные формы быта более устойчивы, исем кушу стал неповсеместным. Сократилось и число проводящих обрезание.

И лишь похоронно-поминальный цикл сохранял сравнительно устойчивый ритуал. Даже в городской местности абсолютное большинство татар придерживаются традиционного похоронного обряда (полностью или частично). Похоронные обряды инвариантны относительно размера города и этнического состава населения³.

Канонизированная часть обрядов проводилась (проводится и сейчас) под руководством знающих, обучившихся этому людей, которые эти знания и навыки получали от представителей старшего поколения. Даже тогда, когда в населенном пункте не осталось ни «официальных» мулл, ни одной действующей мечети, всегда находились люди, готовые помочь в организации и проведении похорон. В литературе 1930-х годов их называли «санитарные муллы»⁴.

Поминальные обряды подразделяются на поминки, проводимые по определенному покойнику, и общие поминки. Первые включают в себя поминки на третий день после похорон (в отдельных районах — после смерти) — өчесе, на седьмой день — жидесе, сороковой — кырыгы, и через один год — елы. Они проводились как праздничный обед с приглашением либо мужчин, либо женщин. Во время поминок угощение предварялось чтением Корана, раздачей присутствующим подаяния — садака.

Таким образом, годы запрета религии, ее обрядов привели к интересному по своей сути явлению. Передача официальной регистрации брака государственным органам способствовала более осознанному отношению к этим обрядам как именно религиозно-этническим, а для отдельной категории людей, в частности, считающих себя неверующими, как просто этническим, идущим из глубины веков. Это привело к появлению в быту татар двух типов званых обедов: званые обеды, проводимые по традиционному ритуалу и званые обеды, проводимые по новому. Первый тип получил название картлар ашы, олылар ашы — званый обед для стариков и старших. В его ритуале сохранилось и чтение Корана, различных молитв, раздача по-

даяния — садака, а также порядок подачи традиционных блюд, угощение без спиртных напитков. Нередко соблюдалось и раздельное угощение мужчин и женщин (или проведение таких застолий с приглашением только тех или других), воспринимаемое так же как мусульманское предписание.

Ритуал второго типа званых обедов построен на контрасте с первым: гостей приглашают парами — мужчин и женщин, среди угощения много новых блюд, в частности, различные закуски, так как обязательны спиртные напитки. Эти застолья сопровождаются исполнением различных песен (соло и хором), плясками, танцами.

В научной литературе 1970–80-х годов появился термин «обрядоверие», довольно точно отражающий суть религиозности населения. Следует отметить, что у татар это выражалось не в сохранении исполнения обязательных для каждого мусульманина обрядов, таких как намаз, ураза, корбан чалу, хаж кылу и другие. Исследования тех лет показывали, что регулярно исполняющих эти обряды становилось все меньше. Было характерно сохранение исполнения отдельных предписаний Ислама в структуре ритуалов семейно-бытовых обрядов и праздников, таких как никах, исем кушу, похоронно-поминальной обрядности. Тем не менее именно благодаря «обрядоверию», в них находили укрытие и спасение остатки мусульманской духовности, веры, нравственности, религиозности в татарском обществе. Это значительно облегчило тот современный этнокультурный процесс, который называют «возрождение ислама», реисламизация.

Отсутствие религиозного воспитания, обучения, отсюда и скудные познания в вопросах религии даже у тех, кто оставался верующим, не могло не сказаться на форме бытования религиозных обрядов. С одной стороны, в силу указанных выше причин, а главное, из-за естественной смены поколений (к 1970-м годам по существу ушло из жизни поколение получивших религиозное воспитание так сказать «с молоком матери»), произошла существенная трансформация в сторону сокращения исламских предписаний в ритуале семейно-бытовых обрядов и праздников татар. В этой связи стоит упомянуть хотя бы о проводимых в недалеком прошлом обрядов никах не только без участия самих молодоженов, но иногда и без их оповещения, которые устраивали родители молодоженов.

С другой стороны, шел стихийный процесс, который я бы назвала народным мусульманским обрядотворчеством: новации, появляющиеся по инициативе отдельных людей, становились сначала локальной традицией, затем, благодаря мобильности населения, получали широкое распространение. Происходила их мифологизация: отношение к ним как «мусульманским», а потому обязательным для исполнения, «богоугодным» — саваплы.

Постсоветское время, с начала 1990-х годов, характеризуется отказом от запрета на религию, ростом самосознания, актуализацией проблем этнической идентификации, в которой заметная роль отводится религии. Все это способствует появлению новых моментов в современной семейно-бытовой обрядности татар. Это касается не просто легализации традиционно проводимых обрядов — никах, исем кушу, погребально-поминальных. В частности, во всех этих обрядах заметно усилилась роль молодого поколения. Так, обряд никах сейчас проводится с участием самих молодоженов, что является существенной модификацией традиционной обрядовой формы. Модифицировал и сам ритуал. Обязательным, как в городских условиях, так и в аулах стало требование, чтобы вступающие в брак вслух повторяли за муллой слова мусульманской молитвы — Иман. Перед этим девушка покрывает голову платком, а юноша надевает тюрбетейку, причем молодые люди стараются это сделать «как надо», «как положено», прислушиваясь к советам «знающих» и старших. По опросам, проведенным среди молодоженов в ЗАГСх, такой порядок соблюдается и в большинстве смешанных браков (татар с представителями других национальностей и вероисповедания).

Однако, широкое распространение обряда никах не является достаточным свидетельством роста религиозности молодежи. Проведенное исследование среди группы татар-горожан, вступающих в брак, в зависимости от ответов на вопрос об их отношении к обряду никах, о том, в частности, что он для них значит, — позволило выделить следующие основные группы респондентов, по численности почти одинаковые:

- 1) для одних это просто формальная дань традиции, они проводят никах потому, что «так принято», не придавая этому

обряду никакого религиозного значения и не вкладывая в него никакой другой смысл;

2) для других никак важен как символ этнической идентичности, иногда как выражение открытой националистической позиции. Эти люди подчеркивают, что никах — это «наше», «татарское», что таким образом мы отличаемся от «других» (прежде всего от русских соседей). Эта демонстративная позиция подкрепляется порою и другим актами и жестами, свидетельствующими о том, что самого по себе обряда никах для подчеркнутого выражения национальной идентичности недостаточно. Так, например, особенно в городской среде, наблюдаются случаи посещения молодоженами мечети в день регистрации брака, а иногда и проведение самого обряда никах в мечети. Такое поведение не обосновано никакими собственно мусульманскими или национальными традициями оформления бракосочетания, скорее оно является искаженным подражанием христианскому обряду церковного бракосочетания. Тем не менее потребность в броских, демонстративных жестах, манифестирующих принадлежность людей этой группы к мусульманской религии, соответствует их стремлению отстаивать свою этническую обособленность;

3) в третьей группе преобладают чисто утилитарные и прагматические подходы к проведению никаха: так наиболее удобно оформить застолье, получить памятные подарки, не обидеть родственников, проявить уважение к старшим и получить их поддержку;

4) наконец, четвертая группы опрошенных выразила свое чисто суеверное отношение к свадебному обряду, который нужен «на счастье». Выясняется, что люди, в принципе, не верующие и даже не особенно суеверные, в поворотные моменты в своей жизни готовы исполнить любые предписания обрядности, чтобы морально подстраховаться.

Однако все эти мотивы связаны с никахом; он принимается как часть своей культуры.

Заметно усилилась роль мусульманских моментов, по крайней мере воспринимающихся как предписания ислама — их «родной», «своей» религии в качестве ритуалообразующего фактора в структуре семейно-бытовой обрядности, и шире — гостевой культуры в целом. Даже те семейные праздники, кото-

рые возникли сравнительно недавно, а именно празднование юбилейных дат людьми старшего поколения, «серебряных», «золотых» свадеб нередко проводятся по ритуалу «олылар ашы». По этому же ритуалу проводятся званые обеды по случаю приезда издалека гостей старшего поколения, званые обеды, посвященные памяти умерших родителей, родных; хотя бы раз в году или раз в несколько лет — с пожеланием благополучия дому, не говоря об обязательном проведении их при заселении нового дома, квартиры. Особенно активизируются подобные гостевания в месяц поста — рамазан. У татар оно называется авыз ачтыру, хотя соблюдение поста не стало явлением массовым; в месяц Маулид, в дни главных праздников в Исламе — Ураза гаеде, Корбан гаеде. Кстати, наблюдается замена термина олылар ашы на Коръэн ашы.

Причины широкого распространения Коръэн ашы могут быть сведены к следующему. Главное, очевидно, — приобщение к «своей» религии хотя бы таким путем, ведь сведения о ней у всех довольно скудны. Немаловажное значение имеют психологические факторы. Такое «демонстративное» общение дает возможность почувствовать себя членом общины, членом «равным» (несмотря на...), «полноправным», «богатым», по крайней мере «имеющим возможность» (это относится к раздаче садака), ибо вдохновляет понятие төшөп калмаган — не выпавший. Есть и такое понятие, как кунак ашы — кара-каршы, то есть гостевание должно быть ответным: идешь в гости — приглашай и сам. Кроме того, это и повод для встречи всех родных. По такому случаю, как правило, собираются дети, внуки, в том числе живущие на стороне.

Возвращается традиция раздельного проведения Коръэн ашы для мужчин и женщин. В 1970–80-ые годы нередко на подобные обеды приглашали и тех и других вместе. Одной из причин совместного приглашения являлось отсутствие или слишком малое количество пожилых мужчин, готовых принять в них участие. Поэтому преобладали женские застолья. В какой-то мере это положение сохраняется и сейчас. Однако перелом уже есть. Становится более осознанным отношение к ним, во-первых, как и традициям, обычаям предков, которые необходимо не просто уважать, но и демонстрировать уважение своим участием в них. Во-вторых, как к предписаниям именно

своей религии. Поэтому стараются запомнить, выучить отдельный набор молитв на арабском языке.

Эмоциональное воздействие женских Коръэн ашы усиливается включением в их ритуал исполнения мунажатов, которое наблюдается в последние годы. Появились умелые исполнительницы, любители мунажатов. Тексты выписываются для себя из публикаций прошлых лет, рукописей. Исполняют их либо в перерывах между подачей отдельных блюд, либо в завершение застолья. Однако лишь немногие представительницы старшего поколения помнят о широком бытовании в прошлом традиции исполнения особых музыкальных произведений альвидаг — прославляющих рамазан — месяц поста, и мәрхэбә — месяц рождения Пророка Мухаммеда — Маулид. В ритуал мужских Коръэн ашы начали включать салават эйтә — формулу коллективного возвеличивания Аллаха.

Вместе с тем, с сожалением приходится констатировать, что упрощение ритуала мусульманских обрядов, господствующая «самодеятельность» тех, что проводит обряд без знания основ традиционной обрядности и закономерностей бытования обряда, ритуала как социального явления, незаменимого механизма воспитания, в том числе и религиозного, скудость внешних атрибутов, отсутствие четко отработанного ритуала религиозной части званых обедов, делает их мало эффективными в плане эмоционального воздействия, тем самым превращая религиозную часть семейного обряда, торжества в формальный акт.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться. Ректор Московского исламского университета Марат Муртазин на II-ом семинаре ректоров высших мусульманских учебных заведений России (20–25 июня 2000 г.) особо подчеркнул, что после обучения в медресе имамам не хватает знаний о том, как вести процесс обучения, как поддерживать контакты с национальными культурными организациями и официальными органами. Но ведь для имама не менее важно и значимо умение установить контакт с «паствой», в том числе владение методикой ведения не только проповеди, но и обряда, причем как в мечети, так и в домашних условиях, где чаще всего и происходят эти контакты, во время никах, исем кушу, похороны и поминки, Коръэн ашы по другим поводам. Вот здесь-то и необходимо, и актуально знание именно «своих» традиций, ведь недаром в

народе с гордостью говорят: «Ата-бабадан калган йоланы ўтибезд!»

Вместе с тем, во взаимоотношениях духовенства, как официального, так и людей, причисляющих себя к таковым с «простыми смертными», становятся все более ощутимыми традиции номенклатурной культуры, сводящейся к строгой регламентации, построенной, главным образом, на запретах. В этом плане заслуживают внимания особо эмоциональные дискуссии, возникающие время от времени на страницах периодики, на радио, телевидении, а также в отдельных мусульманских общинах, которые мне приходилось неоднократно наблюдать в процессе исследовательской работы. Это усугубляется тем, что сейчас почти в каждой области, республике, где проживают татары, появились административные структуры духовенства (муфтияты, мухтасибаты), руководители которых проповедуют свое понимание предписаний ислама. Знания же о них получены ими при обучении в Бухаре, а чаще в арабских странах, где совершенно другие этнические, историко-географические, культурные реалии, что, естественно, наложило отпечаток на своеобразие обрядности тех регионов. У нас же отдельными представителями духовенства они пропагандируются как истинно мусульманские, как образцы для подражания, при этом идущие из глубины веков местные формы объявляются языческими, а потому греховными — бидгать.

Этот диктат нередко шокирует участников таких званых обедов, поэтому для проведения их религиозной части нередко стремятся пригласить не официальных представителей из мечети, а слывущих в народе «знающими», умеющими читать Коран, провести ритуал, благо в исламе это не запрещено.

Роль ЦИК «Иман» в развитии и распространении Ислама в г. Казани

Если вернуться к истокам образования тогда еще Молодежного центра исламской культуры «Иман», то надо сказать, что его роль проявилась в качестве консолидирующего фактора в объединении мусульманской молодёжи г. Казани, да и за ее пределами.

Вспомним 1990 год, это время, когда резко возрос интерес к Исламу, интерес к своим родным национальным истокам. Это время переосмысления прошлого и настоящего. Надо сказать, что тогда еще сильно было негативное отношение к государству, точнее, к его системе, препятствующей развитию религий, т.к. религия, как и сейчас, была отделена от государства, но и не закончился еще атеистический период ощущалось негативное отношение и к официальному духовенству. Не забыты были события (1988 г.) по смене работников мечетей, не угодных духовному управлению насильственным путем, не без участия государственных спецслужб.

В то же время прошли грандиозные события 1989 г. по празднованию юбилейных дат 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией и 200-летия образования Духовного управления мусульман царской России, эти торжества были организованы при прямой поддержке и содействии государственных структур Советского Союза.

Эти прошедшие события сыграли свою роль. Фактор активного участия государства в праздновании религиозных событий как христианства, так и Ислама дал повод не «бояться» волеизъявлению своих чувств в исповедании своей религии. В это время сообщество людей с исламской ориентацией состояло из двух направлений, тех, кто выполнял требования Ислама в доперестроечное время, у которых осталось недоверие к официальному духовенству, так как считалось, что Духовное управление работает по регламенту коммунистического государства, и тех, кто принял Ислам в перестроечное и послеперестроечное время, которые еще опасались, что будут не правильно поняты

в выполнении ритуалов со стороны мусульман в лице старых посетителей мечети.

Поэтому консолидации мусульманского общества, хоть и малочисленного не было. Были отдельные мусульманские группы молодежи, которые пытались содействовать распространению Ислама и укреплению в своих душах путем организации элементарной образовательной системы, издания мало-мальски учебно-религиозной литературы в виде арабской азбуки, правил правильного чтения Корана, норм Шариата, хадисов и т.д. Но этого ничего не получалось т.к. не было официальной регистрации этих мусульманских групп. О мусульманской периодической печати нельзя было и подумать. Религиозное обучение приходилось проводить в частных условиях, т.е. в одной из комнат квартиры одного из учеников (не надо напоминать, что 2-3-х комнатная квартира «хрущевка» считалась тогда огромными хоромами). Так называемые «Учебные пособия» писались от руки. В роли преподавателей, как правило, был один устаз, поверхностно сведующий во многих областях шариата. Аудиторские доски заменяли самодельные плакаты, составленные по определенным темам (азбука, таджвид и т.д.). Некоторые образцы которых сейчас встречаются в мечетях, где нет стационарных условий обучения типа медресе. Надо сказать ни одна типография не бралась перепечатать какую-либо брошюрку религиозного содержания или книжку с арабским шрифтом. Были безуспешные попытки отпечатать арабскую азбуку «Мугаллимсани» или часть Корана «Хафтияк» в типографиях по ул. Баумана, Декабристов. Как много можно было обучить людей в таких условиях? Сейчас, когда мусульманские организации получили возможность создавать собственные издательские структуры и есть возможность издавать необходимую религиозную литературу эти полиграфические гиганты соревнуются друг с другом в издании любой религиозной литературы исламской тематики, иногда не считая нужным посоветоваться или поставить в известность ДУМ РТ, создавая нездоровую конкуренцию мусульманским издательствам.

Как видно, к концу 80-х годов настала пора создания независимой мусульманской организации, способной решить многие назревшие проблемы мусульман в цивилизованном порядке.

Так в конце 1990 года 29 ноября состоялась учредительная конференция новой организации, объединяющей студенческую молодежь, интеллигенцию и просто молодых мусульман, устремленных одной идеей в культурном возрождении Ислама, не связанной только в посещении мечети и слушании пятничной проповеди. Первоначально состав образованной организации был относительно молодой, средний возраст 20-25 лет, соответственно название она получила Молодежный Центр исламской культуры «Иман» г. Казани. Организация была открытой, все, кто интересовался Исламом, мог участвовать в работе центра.

Центр «Иман» сыграл объединяющую роль в плане объединения знаний религии тех, кто придерживался норм Ислама до перестройки, как правило, они сторонились таких сфер деятельности, где было бы затруднительно выполнять требования Ислама, и опыта работы в организационных структурах, вновь принявших Ислам, которые работали в различных государственных идеологических и управленческих организациях до принятия Ислама.

Однако цели и задачи были едиными:

1. Создание официальной Исламской образовательской системы.
2. Возрождение празднования мусульманских праздников.
3. Учреждение издательства для удовлетворения потребности в религиозной информации.
4. Возвращение зданий религиозного назначения.
5. Организация мусульманской инфраструктуры.

За прошедшие полтора десятка лет деятельности центра «Иман» многие намеченные планы воплотились в жизнь, некоторые еще предстоит довершить. Изменился и возрастной состав, сейчас средний возраст 30–40 лет. В 1999 году центр переименован в общественную благотворительную организацию Центр исламской культуры «Иман».

С первых же лет деятельности центра «Иман» упор делался на культурное просвещение мусульман, стали выпускаться периодические издания такие, как газеты «Иман», «Вера», журналы «Якыйн», «Мусульманский мир», «Иман нуры», впоследствии периодические издания стали насчитывать более десятка наименований. Готовилась и выпускалась религиозная литература: перечислим некоторые из них: перепечатан Коран (Казан

басмасы), переведены на кириллицу и изданы толкования хадисов Ризаэтдина Фахретдинова, выпущены книги «Жизнь пророка (с.г.)», «Пәйгамбәрләр тарихы», «1001 хәдис», «Арабско-русско-татарский словарь заимствованных слов», целый ряд учебной литературы. Однако просто издание духовной литературы не достаточно: необходимо было подготовить читателей, чтобы она была востребована. В начале 90-х годов начался строительный бум мечетей. Открывались курсы мусульманского «ликбеза» в приходах. Но для удовлетворения возросшей потребности в обучении не хватало квалифицированных кадров. Поэтому задачей № 1 Центра «Иман» оставалось создание учебного заведения. Так в 1993 году группой молодых мусульман вновь учреждается закрытый в 1918 году так называемый «Татарский университет» КВММ «Мухаммадия». За короткий период медресе зарекомендовало себя как одно из лучших мусульманских учебных заведений России. На трех отделениях медресе обучаются около 1000 студентов. Его выпускники сегодня ведут проповедческую деятельность в крупнейших приходах г. Казани и других городов России (Свердловск, Иркутск, Чита и т.д.). Первыми преподавателями и руководителями медресе были члены ЦИК «Иман».

С самого начала 90-х годов в летнее время силами Молодежного центра исламской культуры «Иман» проводились лагеря исламской дружбы, в котором принимали участия мусульманская молодежь со всей территории Татарстана. Проводимые лагеря послужили в какой-то мере альтернативой пионерских лагерей, способствующей сохранению от пороков «западного общества» в создавшемся идеологическом вакууме, особенно в бесконтрольное летнее время.

1994 году усилиями участников Центра «Иман» открывается средняя мусульманская общеобразовательная школа «Усмания», которая успешно ведет образовательный процесс, сочетая светские общеобразовательные науки с необходимыми религиозными. Ныне отмечен выпуск первой мусульманской средней школы России аттестатами зрелости об окончании 11 классов.

Создавая учебные заведения в Республике Татарстан Центр «Иман» содействовал по направлению своих членов для обмена опытом в учебные центры зарубежных стран таких, как Малайзия, Египет. Надо отметить заслуги центра «Иман» в культурном

просвещении не только в стенах образовательных учреждений. Так «Центр исламской культуры «Иман» периодически проводит вечера, посвященные видным татарским ученым, просветителям, религиозным деятелям прошлого таких, как Ризаэтдин Фахретдинов, Ахмад Хади Максуди, Муса Ярулла Бигиев, Хабир хазрат Яруллин и т.д. Вечера дружбы народов, вечера, посвященные мусульманским праздникам. Можно привести один пример — праздник «Мигъраж кичәсе» (вознесение Пророка с.г.с. на седьмое небо). Это мероприятие было проведено сразу же после учреждения организации спустя 3 месяца. Надо заметить, что подобные мероприятия никогда не проводились, тем более в здании так называемом «культурном» очаге антирелигиозной пропаганды, т.е. в татарском драматическом театре им. Тинчурина. Были сомнения, что мусульманский праздник привлечет слушателей в светский театр. Не надеясь на успех, тогда само слово «Мигърадж» было мало знакомо даже на слух, была подготовлена программа проведения вечера, организован порядок подготовки праздника, заготовлены афиши, билеты. Благодаря рациональному использованию сил и координации действий каждого участника организации в городе наверно не осталось ни одного района, где бы не оповещала афиша центра о предстоящем мероприятии. И, как результат, билеты были распроданы за неделю до праздника. Это говорит о том, что народ был истощен (сусаган) отсутствием религиозной информацией. Во время праздника был полный аншлаг, не хватало приставных стульев, люди стояли в проходах, на балконе, между рядами, где только можно, чтобы услышать праздничную проповедь, ознакомиться с событием Миградж, послушать гостей, прибывших из других регионов, чтобы поделиться мыслями о столь важном событии. Габдульхак хазрат Саматов не смог удержать слез, выступая перед переполненным залом театра о чудесном вознесении пророка Мухаммада с.г.с. в зале, где только вчера нельзя было и подумать о проведении такого рода религиозного мероприятия.

Кстати, и первые встречи, собрания Молодежного центра исламской культуры «Иман» проходили в подсобных помещениях театра им. Тинчурина. Спасибо руководству театра за предоставленную такую возможность.

Из-за отсутствия своего постоянного места дальнейшие организованные мероприятия проходили на различных арендо-

ванных площадях: дома Актеров, киноконцертного зала УНИКС, помещения мечети Апанай, учебного корпуса медресе Мухаммадия и т.д. Положительная деятельность центра Исламской культуры была отмечена и администрацией г. Казани. Так, после долгих скитаний по различных задворкам города, Постановлением Администрации г. Казани для Центра исламской культуры «Иман» было выделено здание по ул. Г. Тукая, 38, дом, где проживал видный татарский ученый, педагог, муфтий России (до 1921 г.) Галимджан Баруди. Однако арендное пользование зданием возможно только после полной реставрации объекта. В настоящее время выполнено косметическое благоустройство помещений, зданий, проведено отопление и водоснабжение, подготовлена проектно-сметная документация, получено экспертное заключение проекта. После получения разрешения на ремонтно-реставрационные работы планируется провести комплексную реставрацию здания, пытаясь придать ей вид времен жизни Г. Баруди.

Нелишне будет заметить, что участники ЦИК «Иман» наряду с созданием условий для удовлетворения духовной потребности мусульман в плане культурного просвещения, также внесли свою лепту в создание мусульманской инфраструктуры. После открытия первой мусульманской средней школы, получения лицензии на деятельность медресе, в 1995 году в г. Казани открылся первый специализированный магазин по реализации мясопродуктов халял. В 1996 году организована первая мусульманская столовая. Одновременно в этот период был организован цех постоянного производства халяльного, т.е. разрешенной для мусульман колбасной продукции. Таким образом создавалась какая-никакая возможность для удовлетворения насущных потребностей мусульман. Впоследствии встал вопрос об организации и детского питания, соответствующего нормам Шариата в дошкольных образовательных учреждениях, так как многие родители боятся отдавать детей в ДОУ из-за отсутствия халяльной пищи. По просьбе родителей и согласования с администрацией Московского района в г. Казани были созданы условия организации группы для детей мусульман. По данному примеру появилась возможность открытия подобных групп в г. Альметьевске, Набережных Челнах, Нижнекамска. Также сегодня здоровая халяльная пища организована и в других ДОУ г. Ка-

зани. Все начинания центра «Иман» не прошли бесследно. Первые робкие шаги в распространении Ислама дали толчок для твердой и широкой поступи другим. Появились и появляется всё новая и новая издательская продукция Ислама. Сейчас уже нет проблемы в приобретении халяльной мясопродукции. Все больше появляется мест общественного питания, дозволенные для мусульман. Жизнь не стоит на месте, развивается мусульманская инфраструктура. Как показало время по воле Всевышнего те планы, которые были намечены 15 лет назад группой молодых мусульман оказались востребованы. Перечислим некоторых зачинателей центра:

1. Камиль Валиуллин.
2. Наиль Гарипов.
3. Рустем Валиуллин.
4. Гульнара Уразманова.
5. Флера Сафина.
6. Мударрис Ибрагимов.
7. Ильгиз (из Дербышек).
8. Ахмад Сабиров.
9. Валиулла Якупов.
10. Марат Архипов.
11. Галим Вахитов.

В заключении, наверно, надо сказать, что за прошедшие 15 лет многое сделано, но и много предстоит сделать. И для продолжения выполнения намеченных планов в сфере пропаганды культурного наследия и распространения Ислама Центр нуждается во всеобщей вашей поддержке.

Жәгъфәр Мөбарәкнең «Иман» нәшрияты тарафыннан чыгарылган китаплары турында

Бисмилләһир-рахмәнир-рахим. Әссәләмүғаләйкүм, мөхтәрәм кардәшләр! 1970–1990 елларда мин «Татагропромстрой» управлениедә рәссам булып эшләдем. 1987 елда, Профсоюзлар урамында урнашкан «Укытучылар йорты»нда өч еллык, «Гарәп теле курслары» ачылгач, шул курсларга язылып, шунда укый башладым. Укулар түләүле булып, мөгәллимнәре университет укытучылары. Барысы дүрт группа оешты: беренче группаны — Илдар Әүхәдиев, икенче группаны — Әнвәр Хәйри, өченче группаны — Лена Тажиева, дүртенче группаны Рөстәм Мөхәммәдиев дигән мөгәллим укыта иде. Дәрәсләр кич белән эштән соң башланганлыктан, бу ягы безнең барыбызны да канәгәтләнәндәрә иде. Укулар атнага өч тапкыр булып, Ш. Шарбатовның «Учебник арабского языка» дигән дәрәсләк буенча укытыла иде. Минем үземдә бу китап булганлыктан укулар белән дә авыр булмады. «Гарәп теле курслары»н тәмамлап, мөгәллим булып эшләргә рөхсәт язуы алгач, 1990 елдан, «әл-Мәржани» мәчетенең имам-хатыйбы Гәбделхәбир хәзрәтнең киңәше белән, эштән соң һәм шимбә, якшәмбе көннәренә шул мәчеттә мөгәллимлек вазыйфасын алып бара башладым. 1991 елда, рәссамлек эшен калдырып, «Ислам динен кабул итүгә 1000 ел» исемендәге мәчеттә ачылган мәдрәсәдә шәкертләр укыта башладым. Дәрәсләр, үзем тарафыннан кирилл хәрәфләренә күчереп язган (әлекке Әстерхан имамы) Шәһид Гауниның «Фән тәжвид», ягъни «Коръәнне дәрәс уку кагыйдәләре» һәм Әхмәдһади Максуди хәзрәтләренең «Гыйбадәте Исламия» китабы буенча намаз тәртипләрен укыттым.

Нәкъ шушы еллардагы халкыбызның күтәрелеш чорында, сезгә мәгълүм булганча, ягъни моннан нәкъ 15 ел элек Вәлиулла хәзрәт Ягъкуб җитәкчелегендә «Иман» мәркәзе оештырылды. Аның исеме дә җисемәнә туры килеп тора. Иман ул — күнел сафлыгы, рухи пакылек, изгелек, шәфкатьлелек һәм киләчәккә якты өмет белән карау, кешелеклелек һәм башка шундый күркәм сыйфатларны үз эченә ала.

Шушы олы төшенчәне калкан итеп алган, аны үзенек кыйбласы иткән «Иман» мәркәзенең оешуына 15 ел тулды. Аны оештыру корылтае 1990 елның ноябрендә «Казан милли мәдәни үзәге»ндә булган иде. Корылтайда Мәскәү, Уфа, Омск, Томск һәм Рәсәйнең күпләп татарлар яшәгән башка төбәкләреннән жыелган татар яшьләре әхлакый һәм рухи авыруларга дучар ителгән жәмгыятьне савыктыру чаралары турында озак бәхәс алып бардылар. Моңарчы хурлау-кимсетүләр кичереп килгән динебезгә, Ислам мәдәниятенә мөрәжәгать итәргә булдылар. Кыскасы, татар яшьләренең «Иман» мәркәзе оештыру фикере энә шулай туды. Мәркәзнең рәисе итеп, бер тавыштан, яшьләренң бу жыеның уздыруда башлап йөрүче зыялыбыз, дини мәгърифәт диңгезенә башы-аягы белән чумган диндарыбыз Вәлиулла хәзрәт Ягъкуб сайланды.

Вәлиулла хәзрәт тирәсенә тупланган бер төркем укымышлы, зыялы яшьләр арасында, шактый тормыш тәҗрибәсе булган, минем кебек урта яшьтәге мөгаллимнәр, иманлы кешеләр дә бар иде. «Иман» мәркәзе, эшне авылларга, шәһәрләргә барып, халык арасында рухи һәм дини мирасыбызны телдән тарату, аңлату эшләрен алып барудан башлап җибәрделәр. Аннары балалар, яшьләр, авыл имамнары, остабикәләр өчен Ислам дине өйрәнү курслары оештырылды. Хәйрия һәм дәгъвәт сәяхәтләре белән чыгып та халкыбызны шатландырды. Татар яшьләренә бүгенге көндә төпле югары белем бирү кирәклеген ачыклангач, күп көч, сабырлык һәм хөкүмәтебезнең ярдәме белән «Мөхәммәдия» мәдрәсәсен яңадан торгыздылар. «Иман» мәркәзе шулай ук үз нәшриятен булдырырга иреште. Беренче көннәрдән үк, мөстәкыйль холыклы «Иман» нәшрияты, заманалар никадәр генә авыр, каршылыклы булуга карамастан үз дигәннен итте, аягына басып кала алды, алай гына да түгел, күәтле иннәрен турайтып инде бар буена торып басты. Тумыштан булган кыюлыгы белән динебездә булган четерекле һәм катлаулы мәсьәләләрне күтәрде, төрле басымнарга карамыйча хак юлдан тайпылмады. Үзенек төп бурычы итеп: үткәндәге әдәби мирасыбызны барлап өйрәнү, хәзерге әдәби телдә эшкәртеп, халкыбызга кайтарды. Мин үзем, оешунын беренче көннәреннән үк, «Иман» мәркәзе, «Иман» нәшриятының җитәкчесе Вәлиулла хәзрәт белән тыгыз элемәтдә булганлыктан, инкыйлабка кадәр халкыбыз тарафыннан чыгарылгын 46 китапны хәзерге әдәби

телгә күчереп, гарәпчә язубарына транскрипциясен биреп, «Иман» нәшриятында бастырып чыгара алдым, монның белән мин горуруланам һәм үземне бик бәхетле дип саныйм.

«Иман» нәшрияты инкыйлабка кадәр Татарстанда чыгарылган китапларны чыгару белән генә чикләнмичә, борынгы Ислам мәдәнияты, Ислам әхлагы һәм әдәбе турында Классик Көнчыгыш ядкарлары тәржемә итү, үгет-нәсыйхәт китапларын, мәктәп һәм мәдрәсәләр өчен дәреслекләр чыгарып, хәленнән килгәнчә, бушлай таратты. Бу саваплы бәйрәмнәргә багышланган кичәләр, очрашулар оештыруны, «Иман» газетасы (1992–1993 елларда, айга ике мәртәбә, иске татар имлясе белән миңа кулдан эшләргә туры килде) «Иман нуры» журналы (берничә ел, Вәлиулла хәзрәт бу газетаның һәм журналның баш мөхәррире, мин исә аның сәркәтибе булып эшләдем), «Вера» газеталарын нәшер итүне дә өстәсәң — мәркәзнең нинди киң коллач белән эшләвенә хәйран калып, «Сөбхәнәллаһ!» дими хәлең юк.

«Иман» нәшрияты кыска гына вакыт эчендә, милләттәшләребезне, бигрәк тә яшьләренә Исламда, Коръән Кәрим нуры астында туплауга, телебезне саклауга, гореф-гадәтләребезне, йолаларыбызны үтәү рәвешләрен өйрәтүгә, гарәп телен өйрәтү дәреслекләре, сүзлекләр, борынгы әдәбиятыбыз ядкәрләрен бастырып чыгарды. Соңгы вакытта «Иман» нәшрияты чыгарган китаплар хәтта чит илләрдә дә танылды. «Иман» мәркәзе һәм «Иман» нәшрияты бүгенге көндә дә сезнең якын киңәшчегез, рухи таянычыгыз, шул ук вакытта ул сүзнең даими игътибарга, ярдәмгә дә мохтаж булып кала. Шуңа күрә дә «Иман», «Вера», «Иман нуры», «Мөселман календаре»нә язылсагыз, бу саваплы эшне ихлас күнелдән хуплаган адым дип кабул итәр иде.

«Кабан арты мәчете»ндә мөгаллим булып һәм «Иман нуры» журналында сәркәтип булып эшли башлаганчы, Коръән Кәримне һәм хәдис шәрифләренә өйрәнүдә миңа ярдәм иткән остазларым турында да әйтми калдыру дөрөс булмас иде. Чөнки Шәһид Гауни, Имам Сәүбән, Салихжан Баруди, Карабаш, Нәҗип Думави хәзрәтләренең «Фән тәҗвид», «Кыйраәти Куръән» китапларын хәзерге әдәби телгә күчереп, шуның бунча укытыр дәрәҗәгә җиткәнче, күп кенә остазлардан дәрес алырга туры килде миңа. Шуларның иң мәшһүрләре: Габделхак хәзрәт Садыков (1895–1900), Габделхак мәзин Хафизов (1915–1987), Әхмәдзәки хәзрәт Сәфиуллин.

1991 елдан башлап Жәгъфәр хәзрәт Мөбарәк тарафыннан хәзерге әдәби телгә күчерелеп язылган китаплар исемлеге:

1. Фән тәжвид. Авторы Шәһид Гауни. Казан 1902. «Иман» нәшрияты, 1992.

2. Фән тәжвид. Авторы имам Сәүбән. Казан 1990.

3. Кыйраәти Күръян. Авторы Нәжиб Думави. Казан 1904. «Раннур» Нәшрияты, 2001.

4. Фән тәжвид. Авторы Салихжан әл-Баруди. Казан 1901. РИУ, 2000.

5. Фән тәжвид. Авторы Карабаш. Казан 1889.

6. Һәфтияк шәриф. Казан 1910. Кабан арты мәчете, 1992.

7. Аллаһы Тәгаләнең мең дә бер исемнәре. Казан 1901. «Иман» нәшрияты, 1997.

8. Хөтбәләр һәм вәгазьләр сөйләү тәртибе. Жиһангир Абзильдин. Уфа 1905.

9. Иман шарты. Кәримиләр нәшрияты. Казан 1912. «Иман» нәшрияты, 1995.

10. Жомга вәгазе һәм догалар. Казан 1912. «Иман» нәшрияты, 1995.

11. Вәгазьләр һәм хөтбәләр. 1, 2, 3 нче китаплар. «Иман» нәшрияты, 1995.

12. Догаи гәжәеп әл-истигъфар вә салават шәриф догалары. «Иман», 1996.

13. Рәсемле Коръян теленең әлифбасы. Казан, Кабан арты мәчете, 1997.

14. Коръян тәһлилләре вә догаи гәжәеп әл-истигъфар. «Иман» 1994.

15. Хөтбәләр җыентыгы. (Ш. Хәмиди). «Раннур» нәшрияты, 2001.

16. «Кадәх нур» догасы. «Иман» нәшрияты, 1999.

17. Мөстәжәб догасы. «Иман» нәшрияты, 1997.

18. Әһәмиятле догалар. «Иман» нәшрияты, 1996.

19. Рамазан шәриф догасы, хасиятләре белән. «Иман» нәшрияты, 1997.

20. Вәгазьләр. (Мәетне юу, җеназа намазы, каберстанда укыла торган догалар), 1996.

21. Догаи хәбиб китабы. (Кабан арты мәчете). «Иман» нәшрияты, 1995.

22. Корбан гаеде (вәгазьләр һәм хөтбәләр). «Иман» нәшрияты, 1998.

23. Догаи хәбиб китабы. (Кабан арты мәчете) 1996.

24. Корбан гаеде (вәгазьләр һәм хөтбәләр), «Иман» нәшрияты, 1995.

25. Дин әһелләре белергә тиешле догалар. «Иман» нәшрияты, 1998.

26. «Мәржән догасы», хасиятләре белән. «Иман» нәшрияты, 1996.

27. Сихэтле догалар китабы. «Иман» нәшрияты, 1997.
28. Салават шәриф догалары. Изге бабаларыбызның тарихы. (Кабан арты мәчете).
29. Догалар. Коръән сүрәләре. Салават шәриф. «Иман» нәшрияты, 1996.
30. Риҗалүл гаиб догасы, хасиятләре белән, «Иман» нәшрияты, 1997.
31. Догаи Сәйфи, хасиятләре белән. «Иман» нәшрияты, 1995.
32. Хәтем Хужа һәм Догаи хәтем, хасиятләре белән. «Иман» нәшрияты, 1996.
33. Шоферлар вә башка транспорт йөртүчеләр өчен догалар. «Иман» нәшрияты, 1998.
34. Хөтбә сөйләү ысуллары. 1, 2 нче китаплар. «Иман» нәшрияты, 1998.
35. Дәүләт догасы. «Иман» нәшрияты, 1996.
36. Хәзрәти Мәрҗам догасы вә кыйссасы. «Иман» нәшрияты, 1998.
37. Коръән сүрәләре. «Раннур» нәшрияты, 2000.
38. Исме Әгъзам. 4 телдә, (гарәпчә, татарча, урысча, инглизчә), 2001.
39. «Шәригать хөкемнәре». Әхмәдһади Максуди. Казан 1902. Казан, 1997.
40. «Гыйбадәт». Татарстан китап нәшрияты, 1996.
41. «Ислам дине йолалары вә горәф-гадәтләре». 2001.
42. Жомга хөтбәләре. Шакирҗан Хәмиди. 1910. «Раннур», 2001.
43. «Хөтбәләр һәм вәгазьләр». Ж. Абзгильдин. Уфа, 1917. «Иман» нәшрияты, 1997.
44. Хәтер дәфтәре. ТЖДН, 2002.
45. Адәм галәйһиссәлам догасы вә кыйссасы. «Иман» нәшрияты, 1998.
46. Адәм галәйһиссәлам хөтбәсе. «Иман» нәшрияты, 1996.
47. Сихәт бирүче догаларның шифасы. «Иман» нәшрияты, 1997.
48. «Кадәх нур», «Әбжәд» һәм утыз өч аять» «Иман» нәшрияты, 1995.
49. Йосыф галәйһиссәлам догасы. «Иман» нәшрияты, 1996.
50. Салих галәйһиссәлам догасы. «Иман» нәшрияты, 1998.
51. Идрис галәйһиссәлам догасы. «Иман» нәшрияты, 1998.
52. Исмәгыйль галәйһиссәлам догасы. Кабан арты мәчете, 1998.
53. Исхак галәйһиссәлам догасы, Кабан арты мәчете, 1998.
54. Коръән сүрәләре. Татарстан китап нәшрияты, 1996.
55. Хөтбәләр һәм вәгазьләр. «Раннур» нәшрияты, 2001.
56. Кыйссасел әнбия. «Раннур» нәшрияты, 2003.

Милли һәм дини тойгылар бергәләп уянды

Туксанынчы еллар ахырында Ульяновскиның Яңа шәһәр диеп аталган өлешендә татар милли иҗтимагый-сәяси тормышында нык күтәрелеш сизелә башлады. Мәктәпләрдә татар сыйныфлары ачылды. Руслан мәдәният үзәгендә «Идел таңнары» ансамбле гөрләтеп эшли иде. Яңа шәһәр авиация заводы иярчене иде һәм монда нигездә яшьләр яши иде. 1988 елның язында «Яшьлек» татар яшьләре клубы эшли башлады. Ул тулай торак кызыл почмагында төпләнгән иде. Ильяс Җиһаншин миңа кадәрле үк бу клубта актив катнаша башлаган иде, без шунда таныштык. Якташлар булгач (ул Тәтеш районы Аллабирде авылы егете, мин Апас районы Дәвеш авылыннан), без уртақ фикергә дә тиз килдек. Клуб башта үзгәреш жылләре нәтижәсендә оешкан ял итү урыны булды. Татар яшьләренен белемгә, җырга, биюгә, сәнгатькә сусаган булуы һәм онытылып барган горәф-гадәтләре-безне торгызуга зур максаты клубны милли төсмерләр белән баеты. Башта гармунга биюләр генә булса да, инде 1988 елның ахырында клубның һәрбер утырышы алдан уйланылган сценарийлар буенча уза иде. Габдулла Тукайга, Муса Җәлилгә багышланган шигъри кичәләр, Болгар, Казан турында сөйләшүләр белән чиратлаштырылды. Татар ашлары, татар уеннары да онытылмады. Клуб Яңа шәһәрдә беренче Сабантуйны да оештырды. Клуб моны фәкать үз акчасы һәм эшмәкәр Мансур Шәңгәрәев булышлыгы белән генә башкарып чыкты. 1989 елның ахырында клубның даны инде билгеле иде. Клуб турында даими өлкә газеталары яза башлады.

Егетләрен һәм кызларның күбесе Татарстан, Ульяновск өлкәсе, Чувашстан районнарыннан җыеылган яшьләр иде. Бу яшьләрен күбесе әби-бабай тәрбиясе күргән, аларның намаз укыганын күреп үскән. Мәселән, Ильяс Җиһаншин үзенә дини тәрбия нигезләрен Апас районы Йомрал авылында яшәүче әбисе Шәмсебану абыстай бирде диеп саный. Бу яшьләр елга ике мәртәбә булса да гает намазына барган. Кайсы кеше йортына, кайсы зиярәт янындагы алачыкка барып укыган. Корбан чалганны күргән.

1989 елның Яңа шәһәргә мөгаллим Хәйрулла хәзрәт килде. Төрле кысылуларга карамастан Ильяс, аның артыннан башка-

лар дин дәресләренә йөри башлады. Беренче белем чаткылары керә башлауга ук аларга күнелләрендә булган шул дини тойгылар уялды. Соңрак Ульяновскига Яр Чаллы шәһәрәнән Ирек һәм Анартай хәзрәт, Мир-Араб мәдрәсәсен тәмамлаган Фатыйх хәзрәт Алиуллов (хәзер Ульяновски өлкәсе Үзәк Диния Нәзарәте рәисе) кайттылар. Намазны завод эчендә дә укый башладык. 1990 елда беренче мәртәбә, мәчете булмаган Идел арьягы районында, Рамазан гаега уздырырга булдык. Чөнки ул вакытта Ульяновда бердәнбер мәчет бер сәгатьлек юлда. Гаега барып өчен күп кеше авылларына кайтып китә. Мөхтәрәм Идел арьягы имам Ибраһим хәзрәт рөхсәт бирде. Мөхтәсибтән ризалык алды. Игъланнар ясадык. Рәссам егет Илһам Мингалиев әләм ясады. Авиа завод радиосыннан мөселманнарны бәйрәм белән котлап Ильяс та чыгыш ясады. Соңрак бу чыгышлар гадәткә керде. Беренче гаега йөздән артык кеше жыелды. Рухлану шундый зур иде. Кешеләр озак вакыт бер-берсеннән аерыласы килмичә мәйданда сөйләшеп тордылар. Беренче чын дини китаплар шунда кулга керде. Аларны мин әле дә кадерләп саклыйм.

Клуб үзенең кыйбласын да дини якка үзгәртте һәм яшьләрнең «Рамазан» ислам-мәдәни үзгәргә диеп атала башлады. Дини күтәрелеш шундый зур иде барлык клуб эгъзалары да кичке мәдрәсәләргә йөри башладылар.

Аллаһының рәхмәте киң, фикердәшләребез белән дә элемтәгә керергә мөмкинчелек чыкты. Казаннан Винерулла Якуповтан 1991 елның жәендә хат килеп төште. Иман жәмгыяте тарафдарларын барлап аларны хезмәттәшлек итәргә чакыра иде. Ильяс Жһиһаншин белән Казанга барып кайттык. Анда мәчетләрдә намазлар укып, яшьтәшләребез һәм фикердәшләребез белән ихластан күрешеп тоткан юлыбыз бер икәнлегенә инанып кайттык. Максатыбыз яшьләрне дини агарту, дини традицияләребезне саклап калу иде. Казаннан китаплар, газеталар килә башлады. Ульянов татарлары болай бик дини халык. Милли хәрәкәткә караганда дини күтәрелеш көчлерәк иде. Алардан карап безнең иман ныгыды. Татарстан, Чувашстан татар яшьләрендә милли үзгәргә көчлерәк иде. Ул вакытта бүленешләр, тарткалашулар да юк иде. Барлык халык дини һәм милли күтәрелеш булсын диеп эшләде. Күп яшьләр милли хәрәкәткә динислам аша килде. Шәһәр егетләре татарча сөйләшә, намаз укый башлады.

Тәравих намазларын ул вакытта тулай торақта укый идек.

Югары терраса мәчете төзелешенә өмәләргә бардык. Өмә урыны, булачак мәчет урыны күп бәхәсләрне туктатты, мөселманнарны тагын да татуландырды. Вақытын бушка уздырган, бездән көлеп йөргән яшьләр күпләп безгә иярде. Завод житәкчелеге дә безгә ышанып карый иде. Гаепкөннәрне ял итү, дини чаралар өчен урын бирү һәм башка төрле ярдәмнәр берсүзсез башкарыла иде. Илһам, Рифкәт, Нияз, Рәкыйп, Ильяс кебек егетләр заводта алдынгылар рәтендә йөри иде. Милләт һәм дин эшләре белән шөгыйльләнгән башлагач минем үземне цех начальнигы урынбасары итеп куйдылар. 1992 елны безгә яшьләргә «Туган тел» оешмасын да ышанып тапшырдылар. Шуңа күрәдер инде киләсе «Сембер жыры» конкурсы мөнәжәтләр бәйгесенә әйләнде. Өлкә күләмендә оештырылган мөнәжәтләр һәм бәетләр бәйгесе бар халыкка да ошады.

Сонрак Яңа шәһәрдә төзелә башлаган мәчет фәйдәсына хәйрия марафон оештырдык. Район хакимияте Яңа шәһәрдәге мәчеткә жир урыны бирергә теләмәгәч пикетка да чыгарга туры килде. Берничә мәртәбә безнең егетләр «Иман» жәмгыяте оештырган лагерьларда катнашты. Без Вәлиулла Якуб белән аралашып, күрешеп тордык. Аның чакыруы белән Мәскәү, Омск шәһәрләренә барып мөселман яшьләре белән аралаштык.

Ильяс 1990-нчы елны Уфа шәһәренә барып Тәлгатә Тажетдин хәзрәткә имтихан тапшырды һәм 1991-нчы елны Ислам динен кабул итүгә 1000 ел исемендәге мәдрәсәгә укырга китте. Мәдрәсәне уңышлы тәмамлагач, анда эшләргә калды. Хәзерге вакытта мәдрәсәнең ректоры һәм Татарстан Республикасы Мөселманнары Диния Нәзарәтенең Үзәк аппарат житәкчесе, президиум әгъзасы. Ильяс хәзрәтнең аягы жиңел булды. Аның артынан дистәгә якин Илһам үзәгенә йөргән егетләр мәдрәсәләр бетереп чыктылар. Мәсәлән, Илһам Мингалиев Мамадыш районында имам-мөхтәсиб, Нияз Жаббаров Тәтеш районы Бакырчы авылында, Рифкәт Юнысов Чувашстанда, Батыр районы Шыгырдан авылында имамчылык итәләр, балалар укыталар. Күп кеше бизнес белән шөгыйльләнгән, берничә кеше кампитр белгече булып китте. Үзем «Татэнерго» ААҖ матбугат үзәгендә эшлим, мәдрәсәдә информатика һәм хокук укытам. Шулай итеп, милли күтәрелеш күпме яшьләргә иман юлына индерде, ныклап кәсеп юлында алып керде. Аллаһы с.в.т. безләргә киләчәк эшләребезгә дә саулык, сабырлык, иман ныклыгы бирсә иде. Амин.

Шагавиев Д.А. (Саид)

«Путь с «Иманом» (1991–1994)»

*«Чья речь прекраснее, чем речь того,
кто призывает к Аллаху, поступает праведно
и говорит: «Воистину, я — один из мусульман?»»
(Сура «Разъяснены», 33 аят)*

Мое первое знакомство с группой лиц, имеющих отношение к Молодежному центру исламской культуры «Иман», случилось почти одновременно с моим обращением или возвращением в ислам, обретением веры (имана) в Аллаха.

Первым человеком из МЦИК «Иман», с которым я познакомился, был Галим Вахитов. Он — один из тех, кто с первых дней существования центра «Иман» был в его рядах. По воле Аллаха, этот человек из «Имана» привел меня к Иману и приобщил к деятельности центра.

Это было осенью 1991 года. Я сблизился, точнее, стал больше общаться, со своим сокурсником Галимом Вахитовым. Мы учились в 502 группе на факультете мехмата КГУ, и в то время уже были на втором курсе. Я уже знал его с сентября 1990 года, но он ничем в моих глазах от других сокурсников не отличался, у меня были другие товарищи по группе, с которыми мне приходилось общаться больше, и с которыми я находил больше общих интересов. На первом курсе он запомнился мне как один из тех, кто частенько покуривал в коридорах второго здания КГУ (тогда он еще был на пути к истине). Обычно он общался с бывшими одноклассниками из 131-й математической школы, которые учились в параллельной группе. То есть, он ничем не выделялся из общей массы студентов. Поэтому когда мы вдруг оказались вдвоем в коридоре, дожидаясь лекции по философии, и Галим заговорил со мной на философские темы, мне было как-то не привычно. Впервые мы нашли общую тему для общения. Я говорил о своем интересе к восточной философии, понимая под ней китайские и индийские учения. А Галим озадачил меня понятием мусульманской философии, о чем до

этого разговора я даже не думал и не размышлял. Дух неприязни ко всему религиозному, особенно к христианству и исламу, еще не улетучился, стереотипы, сформированные в годы учебы в школе советского периода, продолжали влиять на меня. Но к тому времени я, конечно же, не был атеистом, я верил в некую высшую силу, которая управляла миром, но не называл её именами, Богом или Аллахом. Чтобы доказать негативную сторону ислама и выглядеть осведомленным в глазах Галима, я решил немного изучить ислам. По воле Всевышнего в мои руки попал перевод книги американского востоковеда Томаса Липмана «Этот неизвестный ислам». Я был поражен информацией, совершенно новой для меня. К моему удивлению, требования шариата совпали с моими желаниями и моралью. Затем Галим приносил мне какие-то самиздатовские книги об исламе. Наши обсуждения и споры приводили лишь к одному результату, я был согласен со всеми утверждениями Галима по поводу ислама. Помню также, что еще тогда приобрел русский перевод Корана Крачковского. Этот академический перевод, несмотря на свое отклонение от канонического смысла, произвел на меня благоприятное впечатление, я чувствовал, что читаю слова нечеловеческой природы...

Потом для меня раскрылось, что Галим оказался практикующим мусульманином. Он сводил меня в мечеть Марджани. Я до сих пор помню те ощущения, необычные для меня. Наши старики в тюбетейках вызывали у меня почтенный страх, из-за которого я не решался войти, вдруг я сделаю что-то не так. Но Галим все-таки уговорил меня войти, совершить омовение и помолиться...

Таким образом, я стал признавать Аллаха единственным творцом и повелителем мира. Я твердо решил для себя, что с первого января нового года (1992) буду совершать пятикратную молитву и покончу со своей джахилией (периодом религиозного невежества). С тех пор я стал выполнять второй столп ислама. Праздник «Новый год» для меня обрел новый смысл, то есть стал праздником знакомства с таинством молитвы... Ощущение обретения веры в Аллаха, затем первые молитвы остались для меня самыми благодетельными днями. Несомненно, это было проявлением того, что называется «халаят ал-иман» (сладость веры). Только те, кто прошел через это, смогут по-

нять меня. Позднее, уже в последующие годы, познакомившись ближе с исламским наследием, тафсиrom и хадисами, произведениями исламских авторов, я узнал, что сподвижники Пророка (мир ему!) также проходили через подобное состояние. Даже Абу Бакр (да будет доволен им Аллах!), увидев однажды человека, недавно принявшего ислам, плачущим от чтения Корана, сказал, что он и другие сахаба были такими же в начале своей веры и также чувствовали сладость веры...

После сессии и зимних каникул я сам предложил Галиму отправиться в мечеть на молитву, чего он не ожидал от меня. После этого мы часто вместе из университета ходили в мечеть Марджани. Я получал большой духовный заряд от коллективной молитвы. Теперь старики из мечети не казались мне страшными, и я не удивлялся, когда рядом стоящий от меня какой-то бабай во время коллективной молитвы корректировал мои действия, иногда, приговаривая: «Шулай... хазрэт эйтте»... Я понял, что многие из них знают об исламе меньше меня, но из-за искренних побуждений приходили в мечеть.... По пути в мечеть мы бурно беседовали. Темой наших разговоров однозначно был ислам.

Однажды в холле второго здания КГУ Галим познакомил меня с Винером Якуповым, ныне известным как Валиулла хазрат. Тогда он был еще безбородым молодым человеком, аспирантом истфака, но уже возглавлял Молодежный центр исламской культуры «Иман». Это случилось в феврале 1992 года. Затем мы встречались на пятничных молитвах, и в один прекрасный день я посетил его в общежитии КХТИ на ул. Попова. Видимо, это комната и была первой штаб-квартирой МЦИК «Иман». Обычный визит перешел в назидательную беседу. В тот день мне внушили важность призыва к исламу. Я понял, что настоящий мусульманин должен стараться ради Аллаха, делать что-то полезное для общества. Можно сказать, что с того часа, после нашего разговора, я стал полноправным членом МЦИК «Иман». В тот памятный для меня вечер В. Якупов вручил мне в подарок Коран, который до сих пор со мной. Что могло быть дороже для меня в тот период?! Необычные, но приятные для души ощущения приходили ко мне не только во время молитвы, но и даже когда я держал в руках Коран или книгу, связанную с исламом. Ощущения усиливались во время

чтения таких книг. Не только разум, но и сердце говорило мне, что это правильный путь...

Я начал больше читать об исламе. В то время, такие как я, читали все, что было, потому что выбор был невелик, какие-то брошюры, газеты и листовки. Я начал самостоятельно изучать арабский язык. С родственниками и друзьями я говорил только на темы религии. Отец в шутку стал называть меня «святым»... В мечети я познакомился с турками Хайдаром и Мехметом, которые по воскресениям обучали детей и подростков чтению Корана. Я начал посещать их занятия. Турок Хайдар почему-то назвал меня Саидом в честь турецкого ученого Саида Нурси. Это прозвище понравилось мне и надолго закрепилось за мной, некоторые мои знакомые даже думали, что это мое настоящее имя.

Весной 1992 года случилось два важных события для меня и МЦИК «Иман». Первое событие — поездка в Саратов на учредительный съезд Исламской Партии Возрождения, точнее её отделения Европейской части СНГ и Сибири. Да, сегодня нет такой партии в России, и возможно поспешили мусульмане с её образованием, но некоторое время она действовала и стала частью истории современных российских мусульман. Это было в апреле, я, Галим, Якупов В. и еще трое, новых для меня человека: Камиль Валлиуллин (тогда выпускник юрфака КГУ, ныне директор мусульманской школы «Усмания»), Алмаз Сабиров (тогда студент мединститута, впоследствии возглавлял Ассоциацию мусульманских врачей Татарстана) и Анас Хабибуллин (тогда студент КХТИ) на поезде в плацкартном вагоне приехали в Саратов. Во всем вагоне почти никого кроме нас не было, мы свободно совершали свои мусафирские молитвы, которые для меня были в диковинку. Оказаться в незнакомом городе для меня было приятно, ведь, на самом деле, я впервые выехал за пределы Татарстана. В главной мечети Саратова мы зарегистрировались, затем отправились в здание бывшей партийной школы, в актовом зале которой и проходил съезд. Главное заседание съезда прошло 12 апреля. Ночевали в гостинице «Словакия», которая находилась недалеко от набережной Волги. Запомнились хорошая организация саратовцев, личность Мукаддаса хазрата Бибарсова. Было интересное общение, знакомство с новыми людьми. Помню, как у бывшего имама петербур-

жской мечети спрашивал о времени молитв в период белых ночей. Здесь же в Саратове я впервые познакомился с Маратом (Мурадом) Архиповым из Чебоксар, который также имел отношение к нашему МЦИК. Марат почти два года провел в Таджикистане до кровавых событий в этой стране. За это время, живя у одного муллы (алима), он прекрасно овладел грамматикой арабского языка и необходимыми знаниями по шариату.... Вернулись из Саратова очень довольными, энтузиазма прибавилось.

Саратов, учредительный съезд ИПВ, апрель 1992.

На фото слева: Валиуллин К., Шагавиев Д. (Саид), Якупов В., Сабиров А., Низамутдинов К. (участник из Ульяновска), Вахитов Г..

Второе событие (27.04–3.05.1992) — это первый исламский недельный лагерь в Татарстане, а может и во всей России. Организаторами были центр «Иман» и Международная Ассоциация Поддержки «Тайба». Лагерь прошел в пригородной зоне в пионерском лагере «Солнечный». Впервые к нам в гости приехали арабы из Саудовской Аравии, чтобы прочитать лекции об исламе. Собрали народ в основном из молодых людей и подростков с помощью объявлений и знакомых. Например, Галим и я подходили в мечети к молодым незнакомцам, тогда еще таких можно было пересчитать по пальцам, и приглашали их в тот лагерь. Так мы в мечети познакомились с длинноволосым юношей, которого звали Илгиз Загидуллин (позднее он обрел мусульманское прозвище Абдуль-Азиз), в то время

он также как и мы был студентом на факультете ВМК КГУ. После лагеря он стал участвовать во многих мероприятиях МЦИКа, переводил исламскую литературу с английского.... Были приезжие из Саратова, некоторых деревень Татарстана и близлежащих областей. Вместе с саратовскими татарами приехал даже один дагестанец по имени Расуль, который учился в одном из вузов Саратова. Участников лагеря расселили в 3–4 деревянных корпуса, по ночам было прохладно, туалет без удобств располагался на другом конце лагеря. Все это казалось нам мелким испытанием, гораздо важнее для нас было получить новые знания от гостей и вовремя коллективно прочитывать все пять молитв. Гости арабы расположились в бывшем корпусе для вожатых и руководства, к счастью у них были неплохие условия. Делегация гостей состояла из четырех арабов из Саудовской Аравии, все они были одеты в свои традиционные арабские одежды, но сверху накинули куртки. Их сопровождали два палестинца, Аммар и Махди, студенты одного из московских вузов. В качестве переводчика с ними был Марат Архипов, с которым я познакомился в Саратове. Саудовцы казались нам непререкаемыми авторитетами ислама. Мы все думали тогда, что соплеменники и земляки Пророка Мухаммада были единственным источником настоящего и чистого ислама. Всё, что они говорили, мы старались запомнить, зафиксировать и претворять в жизнь.

Помню, что в первый день мы приехали в лагерь и приготавились к полуденной молитве, и вдруг пришли арабы. Вместе с другими соотечественниками я жадно наблюдал за их телодвижениями в намазе. Да, их способ молитвы несколько отличался от нашего, ханафитского. Впервые я видел, что молящийся расставляет широко ноги, складывает руки на груди и совершает взмахи руками во время переходов из одной позиции в другую. Признаюсь, по незнанию, в тот момент я про себя сказал: «Вот он настоящий способ молитвы, вот как надо молиться». Спасибо Валиулле Якупову и Марату Архипову, которые тогда объяснили мне разницу и помогли не усомниться в ханафитском мазхабе, избранном нашими предками.

28 апреля был организован вечер встречи на тему «Это есть истина» в «Униксе», где арабы выступили перед публикой, интересующейся исламом.

Афиша, на которой говорится о вечере встречи с арабами, приехавшими из Саудовской Аравии в зале «Уникса».

Я впервые услышал чтение Корана одного из арабов. Видимо, поэтому даже запомнил его имя. Его звали Самиром, по специальности он был ученым-геологом. Я восхищался его речитацией и удивлялся тому, что он не являлся муллой или специалистом по исламу. Тогда мы мечтали, что у нас в Татарстане будет также, т.е. любой мусульманин, независимо от своего занятия, будет хорошо знать основы ислама и читать Коран на арабском. К сожалению, как впоследствии выяснилось, в самой Саудовской Аравии не всё так идеально с точки зрения ислама. Но тогда эта страна казалась нам единственным примером настоящего исламского государства...

Один из номеров газеты «Иман» за 1992 год, где на первой полосе рассказывается о проведении курсов обучения основам ислама в лагере «Солнечный» в пригороде Казани.

Каждый участник лагеря получил подарок: карманный Коран, кассету с чтением Корана и некоторые книги. Некоторые ребята даже получили какие-то отдельные памятные подарки. Например, Ильгизу (Абдуль-Азизу) Загидуллину и Хасану (Ленар) Зиганшину (с которым я познакомился в лагере, тогда он был подростком, ныне один из организаторов проекта «На пути к бесконечности»), помню, подарили красные арабские платки. Ну а мне достался будильник «Касио» (тоже почему-то красного цвета), который еще долго прослужил мне и некоторым шакирдам из «Мухаммадии». Расставание было трогательным, кто-то плакал, сделали общую фотографию на память. Первый исламский лагерь, несмотря на некоторые неудобства для слушателей, произвел неизгладимое впечатление. Вернувшись к повседневной жизни, я даже затосковал о приятно проведенных для души днях.

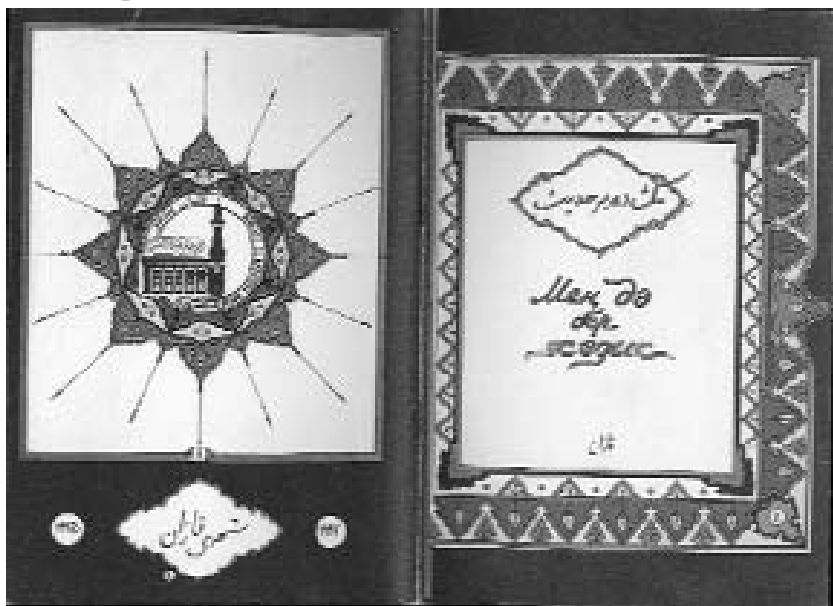
Потом были другие исламские лагеря, но первый из них запомнился лучше.... После того лагеря между казанскими участниками установились дружеские отношения. Мы начали встречаться по пятницам.

В июне 1992 года Валиулла Якупов по приглашению арабских благотворительных организаций совершил хадж. Это стоило ему тем, что он пропустил сессию в аспирантуре и был вынужден на время уйти из науки. После хаджа перед нами предстал совершенно другой человек. Честно говоря, мы даже стеснялись идти рядом с ним по улицам. Наш хаджи был без волос на голове, но с большой черной бородой. Чтобы отметить его возвращение, мы (я, Галим, Марат и другие) собрались у Валиуллы хазрата в его комнате в общежитии КХТИ. На столе у нас была очень важная для нас бутылка. Если бы кто-то зашел в комнату, то решил бы, что мы распивали водку, однако в бутылке была вода из источника Зам-зам. Мы получили памятные сувениры от хаджи: светло-зеленые четки. Тогда я спросил: «Освящены ли эти четки?», потому что где-то читал об этом. На что все мои друзья только посмеялись и пошутили. Да, суфизм еще не был популярен среди членов МЦИК, как это можно наблюдать сегодня.

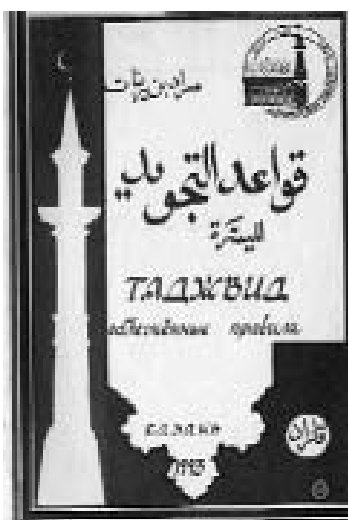
Летом я подготовил две статьи для газеты «Иман»: «Советы начинающим», где я рассказал о первых шагах начинающих молиться и приходящих впервые в мечеть, и «Как быть с больницами?», где я написал свои размышления по поводу необходимости молельной комнаты в лечебных заведениях. Обе статьи вышли в седьмом номере газеты 1992 года. Тем же летом вместе с Хасаном (Ленаром) я участвовал в другом мусульманском лагере в подмосковном Троицке, где также нам встретился Марат Архипов. Уезжали мы из Казани на поезде без билетов, по договоренности с проводником, и даже спали на третьей полке.

Осенью того же года Валиулла хазрат перебирается из общежития в дом-квартиру на ул. Нагорной под Кремлем. Таким образом, штаб-квартира МЦИК переместилась на новое место, хотя официальным адресом, по-моему, являлась Закабанная мечеть, что отражалось на одной из первых эмблем центра. С этого же времени я официально приступил к работе в центре в качестве секретаря-референта. Приходилось очень часто ночевать на Нагорной. Больше времени занимала работа, связанная с почтовыми отправлениями. Через почту в конвертах рассылалась газета «Иман» и исламские книги наложенным платежом. Помню, что одной из первых книг, изданных МЦИК, был

сборник хадисов на татарском языке «Мен дә бер хәдис», который активно рассылался. На моих глазах Марат Архипов на основе арабской брошюры подготовил книгу «Таджвид: облегченные правила».

Обложка второго издания книги «Мен дә бер хәдис» (1992); на задней обложке одна из первых эмблем МЦИК «Иман».

Обложка второго издания книги «Таджвид», составленной М. Архиповым (1993).

Потом в этом же году к нам приехали два иорданца Абд ал-Хаким и Ибрахим, преподаватели по основам ислама. С ними можно было говорить на английском языке. Они были задействованы в учебных мероприятиях МЦИК, какое-то время преподавали в медресе при Закабанной мечети. Одновременно, они учились в аспирантуре КГПУ, изучали русский язык. Арабы, особенно в то время, всегда были нашими любимцами. Мы часто их посещали, спрашивали их об исламе, слушали у них арабские нашиды.

27 ноября в Закабанной мечети прошло третье собрание МЦИК «Иман», на котором прозвучала идея создания арабско-го колледжа с интенсивным преподаванием арабского языка и исламских наук. В новый год молодежь собралась в доме на ул. Нагорной. Культурно, как подобает мусульманам, провели ночь, обсуждали проблемы, которые нас интересовали. Мы мечтали о том, что в будущем в Татарстане будет больше настоящих мусульман, и что наш центр будет помогать странам третьего мира в распространении ислама.... Были и другие мероприятия, которые уже трудно воспроизвести в памяти.

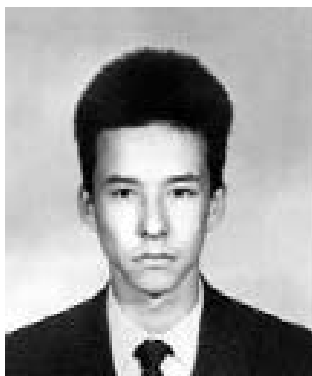

Мандат делегата конференции Ассоциации Исламских врачей РТ (13 ноября 1992 года), руководил которой Алмаз Сабиров, член Совета МЦИК «Иман».

Зимой 1993 года центр перемещается в 2-х комнатную квартиру на Проспект Победы на Вторых Горках. Удивительно, что

я жил в соседнем доме. На новом месте со мной работали Сергей Попов (тогда Сирадж ад-дин, сегодня Исмаил) и Габдурахман, которые как и Марат Архипов какое-то время учились исламу и арабскому языку в Таджикистане до начала гражданской войны в этом государстве. Сираджуддин по определенным дням также преподавал основы ислама детям в клубе «Прометей», в который я ходил еще в детстве. Габдурахман также давал уроки арабского желающим из пединститута. Теперь мы собирались уже на пр. Победы, сюда приходил Хасан (Ленар) Зиганшин, Ильгиз (Абдуль-Азиз) Загидуллин, Галим Вахитов, Алмаз Сабиров, Гамил Гибадуллин, Рафик Насыров, Айдар Хайретдинов и многие другие. Затем среди постоянно работавших в центре появился парень из Мари Эл Рафаэль Багаутдинов, который одновременно учился азам ислама и готовился поехать на учебу в Малайзию. Все мы стали очень хорошими друзьями....

Однажды Хасан (Ленар), будучи еще школьником, пришел к нам в квартиру на пр. Победы очень расстроенным. Оказывается, родители порицали его за его исламский образ жизни, точнее, за то, что он не ходил на дискотеки, и что у него не было подружки. Хасан нам твердо заявил, что больше не вернется домой, и будет жить в центре. Конечно же, мы его успокоили, рассказали о своих бывших проблемах с родителями. Через неделю его отношения с родителями наладились, он благополучно вернулся домой. Его родители, беспокоясь о нем, даже один раз пришли к нам во время его отсутствия...

Зиганшин Л. (Хасан) в 1992г.

Зиганшин Л. (Хасан) и Шагавиев Д. (Саид)

зимой 1997 г.

Еще запомнилось, как приходил Файзрахман хазрат Саттаров, ныне объявивший себя «пророком». Тогда он уже имел свою группу, которую мы называли файзрахманистами, но между центром «Иман» и этой сектой были хорошие отношения, учитывая, что наш центр был в оппозиции Центральному духовному управлению мусульман. В квартире был только я один, мы имели приятную беседу, пили чай. Однако нашей темой была публикация его произведения, которое было записано в тетрадках на татарском языке арабской графикой. Я набирал машинкой тексты из этих тетрадок для газеты «Иман». Мы уважали этого человека и его взгляды, так как он был большим знатоком ислама и еще в советское время соблюдал исламские обряды. Однако, с другой стороны, он являлся для нас лидером секты, его идеи были для нас неприемлемы. Мы понимали, что с этим человеком нужно быть осторожным. Какое-то время Сираджуддин и Рафаэль оказались под влиянием его группы, но, по воле Всевышнего, это было недолго. Что случилось потом с Файзрахманом и его группой — мы все хорошо знаем.

В квартире на пр. Победы некоторое время жил суданец Усман, выпускник Московского медицинского института. Иногда, я по делам ходил с ним в центр города. Однажды мы проходили мимо группы молодых людей, студентов какого-то вуза, и кто-то из них нелестно выразился в отношении Усмана из-за его цвета кожи. Усман же, услышав это, лишь сдержанно сказал обидчику: «Умница!», чем озадачил эту группу. Усман участвовал в благотворительном рейде по республике Башкортостан с Валиуллой хазратом и Алмазом Сабировым. Они проводили медосмотр сельских жителей, выдавали бесплатно соответствующие лекарства, и одновременно проводили проповеди, раздавали исламскую литературу. По моему, к тому времени книг по исламу на башкирском языке было очень мало. Поэтому центр «Иман» подготовил и издал сборник на религиозные темы на башкирском языке.

В то время еще не все мечети были возвращены верующим. Чтобы как-то подтолкнуть власти к скорому возвращению мечети «Борнай» на ул. Ахтямова, в которой в то время находился клуб художественной самодеятельности, группа молодых людей, имеющих отношение к нашему центру, в том числе и я,

совершила захват здания. Тем самым мы хотели выразить протест и демонстрационно заявить о наших правах на это место поклонения, которое использовалось не по назначению. Пожалуй, это был единственный случай, когда члены центра «Иман» были готовы идти на крайние меры, на обострение ситуации. Это произошло из-за того, что процесс возврата здания сильно задержался. По воле Всевышнего, ни милиция и ни представители власти не явились, хотя мы морально подготовились к этому. Мы проникли в молельный зал, который использовался для танцев. В михрабе находился рояль, а на его стенах было мозаичное изображение танцующей пары. Мы принесли с собой краску и закрасили это изображение. Также мы хотели подняться на минарет, но не смогли взломать замок. Тогда мы разбили часть окна, чтобы попасть в помещение, из которого можно было попасть на лестницу минарета. Так как из всей группы я отличался малыми габаритами тела, именно я и смог пролезть через прорезь окна. Я один поднялся на минарет и наблюдал сверху пейзаж центра города. Мне дали зеленый флаг с полумесяцем и звездой, который я водрузил наверху, в качестве символа возвращения мечети верующим. Затем пришел председатель Закабанной мечети Исхак хазрат Лотфуллин, который успокоил нас и попросил убраться оттуда до приезда милиции, так как, по его мнению, вопрос возвращения уже был решен, и оставалось терпеливо ждать, когда клуб съедет на другое место. Хотя он мирно разрешил ситуацию, но именно от него больше и досталось женщине из администрации клуба, которую он при нас пристыдил и обругал за непристойное поведение перед своей особой. Флаг пришлось снять, и мы удалились, так и не попав в сводку новостей дня.

Летом 1993 года, я, Сираджуддин и Габдурахман отправились на курсы проповедников ислама в Москву. Предполагалась серьезная подготовка под руководством московского филиала Международной ассамблеи мусульманской молодежи (WAMY). Филиал возглавлял араб из Саудовской Аравии Али ал-Амуди, среди его подчиненных в офисе работали арабы из разных стран, выпускники и студенты российских вузов.... Однако планы остались не осуществленными. В течение лета мне удалось в Москве сделать прогресс в арабском языке, и помочь арабам в проведении нескольких лагерей в Казани. Помню, как

однажды в плацкартном вагоне вез из Москвы дорогой фотоаппарат и тысячу долларов США для проведения одного лагеря, и как с приключениями летел из Москвы с группой арабов из Саудовской Аравии, имея при себе билет на имя другого человека. Эти арабы участвовали учителями в лагере для медиков, который организовывал Алмаз Сабиров. В то же время центр «Иман» переместился в 1-комнатную квартиру на ул. Чехова, около Чеховского рынка. Это место почти в центре города было очень удобным, здесь также собиралась по праздникам молодежь. Аренда квартиры на пр. Победы продолжалась, там был большой склад литературы. Некоторое время с нами работал Ришат, который потом уехал в Башкортостан. Рафаэль Багаутдинов уехал на учебу в Малайзию. С ним также отправились Ленар Якупов и Рустам Баширов. Они были первыми татарами, прибывшими на учебу в Международный Исламский Университет Малайзии.

В конце августа я все-таки покинул Москву и вернулся домой, так как понял, что учиться регулярно при офисе WAMY не получается. Но главное, я узнал, что в Казани наконец-то откроется тот самый арабский колледж, о котором давно говорили. Предполагалось, что он будет находиться в районе остановки ул. Роторная, в УПК Приволжского района. Затем арабский колледж обрел свое конкретное название: Исламский институт «Мухаммадия». Я стал первым студентом этого заведения. В течение сентября проводились подготовительные курсы. На курсах изучался арабский алфавит и способ совершения намаза. Я отвечал за группу, которая собиралась в Авиастроительном районе. Курсы проводились в квартире на улице О.Кошевого, в которой жили иногородние абитуриенты, и куда приходили городские ребята. Из старательных ребят, которых я обучал и которые затем окончили «Мухаммадию», запомнился Ирек Махмутов из Наб. Челнов (в настоящее время он работает 1-м имамом казанской мечети «Хузайфа» в 10-м микрорайоне). Галим готовил аналогичную группу в Кировском районе при приходе мечети «Рамазан», один раз мне пришлось его заменить. Среди этой группы выделялся Аяз Мингалеев, который сегодня отвечает за организацию хаджа из Татарстана. Первого октября начался учебный год. Две мужские группы, старшая (для имеющих среднее образова-

ние) и младшая (после 9-го класса), обучались в дневное время в ДК им. Ленина в Соцгороде. Я стал старостой старшей группы. К этому времени в Казань подъехали новые учителя из Иордании: Ахмад Абу ал-Айш и Хусам Абд ар-Рахман ал-Ахмад. Последний из них, по рассказам знакомых арабов и аудиокассет с нашидами, был уже заочно нам известен. У себя на родине он был известным исполнителем мусульманских песен. Я встретил арабов в квартире на пр. Победы и какое-то время помогал им адаптироваться. Затем они переехали в профилакторий одного из казанских заводов поближе к месту преподавания. С тех пор Хусам хазрат остается в Казани и преподает в «Мухаммадии», как и тогда он остается любимцем шакирдов и вообще казанских мусульман. Устаз Ахмад Абу ал-Айш потом преподавал в медресе Набержных Челнов.

В сентябре из Иордании приехал Марат Архипов, который около года там учился, но, окончив курсы языкового центра, решил вернуться. Уже позднее зимой, мои друзья Сираджуддин и Габдурахман также вернулись из Москвы. Сираджуддин стал переводчиком арабских учителей. Первоначально лекции арабских преподавателей переводились арабами студентами из Энергоинститута, Башшаром и Аляуддином. Крупный Башшар, палестинец с израильским паспортом, был нашим большим другом, впрочем, как маленький Аляуддин в очках, тоже палестинец, но уже из Иордании. Оба женились на татарках. С нашим центром дружило и работало много арабов студентов из разных стран. Но почему-то в основном это были арабы из региона Шам, т.е. Палестины, Иордании, Ливана и Сирии. Всех вспомнить по именам невозможно. Кроме упомянутых Хусам и Ахмада, запомнился иорданец Иса Шебахат, полный невысокого роста весельчак, руководитель филиала Международной Ассоциации Поддержки «Тайба» (штаб-квартира в США). К сожалению, по определенным обстоятельствам он пробыл со своей семьей в Казани недолго. Эта организация в Татарстане отстроила две мечети, открыло одно медресе, финансировала издание некоторых книг, проводила бесплатные ифтары. В нашем центре долгое время пользовались пакетами с символикой этой организации, так как их подарили центру в большом количестве.

На фото слева: Хусам Абд ар-Рахман (иорданец), Аляуддин (палестинец из Иордании). Оба женились на татарках. Хусам до сих пор преподает в КВММ «Мухаммадия»; Аляуддин первоначально помогал в качестве переводчика, а затем сам преподавал в КВММ «Мухаммадия», в настоящее время живет с семьей и работает в ОАЭ. Аляуддин автор проекта акции «Научить намазу за один день», которая до сих пор продолжается в некоторых мечетях Казани.

Затем в «Имане» появился новый человек Рамиль (Хабибрахман) Хусаинов, выпускник Сельскохозяйственного Института, который до сих пор активно работает в издательстве «Иман». В свое время он ходил на курсы основ ислама, которые вел Рафик Насыров, тоже окончивший сельхозинститут.

МЦИК начал переиздавать некоторые дореволюционные труды татарских авторов. Лично я набирал на машинке тексты с арабской графикой. Затем я занимался набором полос газеты «Иман» на арабской графике, сначала на арабской пишущей машинке, затем с помощью компьютера, который подарила арабская благотворительная организация «ал-Игаса». Так как в наличии были только арабские шрифты, приходилось вручную расставлять нужные символы и точки для обозначения татарских букв. До этого и частично потом полосы на арабской графике готовились каллиграфами Айдаром Хайретдиновым, Джагфаром Мубаракшиным и Фуадом Нуруллиным.

В ноябре 1993 года МЦИК отправил меня, Рамилю (Хабибрахмана) Хусаинова, Габдуррахмана Рахматуллина, Рафика Насырова, Наиля Гарипова, Гамилю Гибадуллина, Раиса Мазитова, Илгиза Загидулина (который не Абдуль-Азиз), Марата Гатина и других (всего 11 человек) в исламский лагерь, организованный «Saar Foundation» в Казахстане. Сначала мы все вместе на поезде приехали в Москву, а оттуда на самолете прилетели в Алма-Ату. Несколько дней мы ночевали в городе, а потом автостопом

Первый номер газеты «Иман» на арабской графике (сентябрь, 1992 год); каллиграфия и дизайн А.Хайретдинова.

Один из номеров газеты «Иман» на арабской графике (1994); текст набран машинописным способом.

отправились в горы на место лагеря. Какую-то часть пути нам пришлось идти пешком. Мы очень сильно устали, но потом открылось второе дыхание, и мы достигли цели. Целью этого лагеря было отобрать подходящих кандидатов на учебу в исламские вузы за границу. Лагерь проходил в санатории «Самал» в горах Алатай недалеко от Алма-Аты. В лагере участвовали также мусульмане из других регионов СНГ. Был один участник из Кампучии, студент подготовительного отделения одного из украинских вузов, от которого мы впервые узнали о мусульманах Кампучии, Лаоса и Вьетнама. Но удивительно, что казахов в этом лагере не было, в первый же день за ними на вертолете прилетел муфтий Казахстана с сотрудниками ГБ. У остальных же участников незаконно изъяли паспорта, которые мы смогли получить только при возвращении. Каждый день у нас были занятия по чтению Корана, арабскому и английскому языкам. По каждому предмету мы были разделены на группы в зависи-

мости от уровня знаний. Иногда мы ходили в горы. Лагерь длился около трех недель, по его окончанию были проведены экзамены по арабскому и английскому языкам, чтению Корана и основным знаниям по исламу. Многие из казанских успешно выдержали эти экзамены. В конце был устроен культурный вечер, в котором под моим руководством наши татары исполнили нашид на арабском языке. Мелодия и смыслы нашида принадлежали Али ал-Амуди, под руководством которого мы проводили исламские лагеря в Татарстане раньше. Я внес небольшие изменения в нашид, упомянув в нем все регионы, из которых прибыли участники лагеря. Все, особенно арабы, были тронуты этим нашидом. Гамил исполнил на татарском «Туган тел» Габдуллы Тукая. В течение лагеря произошло много событий, о которых можно написать отдельный рассказ.

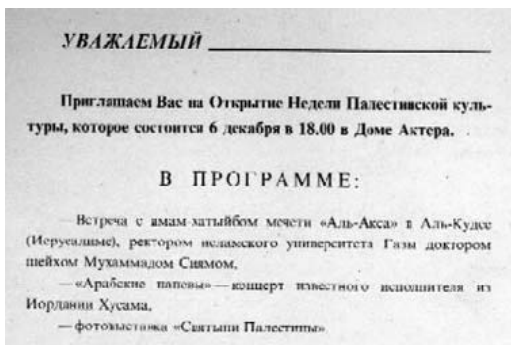
Исламский лагерь в Алма-Ате (санаторий «Самал», горы Алатай, высота 1700 м), на фото верхний ряд слева: Илгиз Загидуллин, Габдурахман Рахматуллин, Рафик Насыров, Наил Гарипов; средний ряд слева: Саид (Дамир) Шагавиев, Хабибрахман (Рамиль) Хусаинов, Мидхат, Абдуль-Хаким (студент из Кампучии), Раис Мазитов; нижний ряд слева: Ринат Киямутдинов, Гамил Гибадуллин, Марат Гатин. 6.11.1993.

Возвратившись из Казахстана, я вернулся к учебе в «Мухаммадии». Я продолжил готовить арабские полосы нашей газеты «Иман». Мне, Раису Мазитову и Илгизу Загидуллину (который ездил с нами в Алма-Ату) арабские организаторы алма-атинского лагеря пообещали, что нас отправят скоро на учебу в Международный Исламский Университет Малайзии. Однако это случилось только через год. Зато другая делегация из «Имана», в которую входили Габдуррахман Рахматуллин, Ахмад Сабилов и Камил Валиуллин, отправились на учебу в Египет в знаменитый «ал-Азхар» (правда, они пробыли там недолго). В Иорданию на четыре месяца уехал Рафик Насыров. Слушая рассказы приезжих из заграницы, мне тоже хотелось отправиться в какую-нибудь арабскую страну. Таковой была атмосфера, каждый жаждал получить больше знаний об исламе, а может быть посмотреть мир.

На фото слева: Наил Гарипов, Ахмад Сабилов, Габдуррахман Рахматуллин (январь 1997 — в то время все трое преподавали в КВММ «Мухаммадия»).

Одно из последних событий 1993 года было Открытие недели палестинской культуры в Доме Актера. Ожидался приезд имама мечети ал-Акса, но его не выпустили из страны. Вместо него приехал какой-то палестинский ученый, который рассказал собравшимся о настоящем положении Палестины. В зале прозвучали палестинские нашиды в исполнении Хусамы. Ливанские студенты из мединститута скандировали такбирь, что не понравилось Хусаме, который считал это лишним.

Пригласительный билет на Открытие Недели Палестинской культуры в Доме Актера (6.12.1993)

Обложка пригласительного билета на Открытие Недели Палестинской культуры в Доме Актера (6.12.1993)

Второе полугодие учебного 1993/94 года медресе «Мухаммадия» провело в мечети «Нур Ислам» на ул. 2-й Армавирской в пос. Северном. С сентября 1994 года появилось еще одно место — мечеть «Рамазан» Кировского района, где расположился новый первый курс шакирдов. У центра «Иман» тоже появляются новые места. Штаб-квартирой «Иман» становится 2-х комнатная квартира на ул. Адоратского на Кварталах. Это место запомнилось мне тем, что здесь в авральном порядке допоздна приходилось готовить макеты арабских страниц газеты «Иман». Здесь также жило несколько шакирдов «Мухаммадии», из которых запомнился ульяновский мальчик Шаукат Абубекиров. Он был любознательным и послушным подростком. Вечером с ним и другими шакирдами мы рассуждали на серьезные темы, слушали рассказы друг друга из жизни. Как старший брат по вере я давал подросткам советы и наставления, отвечал на их вопросы, был их предстоятелем на молитве. Сегодня Шаукат хазрат — хафиз, пре-

восходный чтец Корана, имам новой мечети «Энилэр» около РИУ... Немало шакирдов «Мухаммадии» так или иначе принимало участие в деятельности центра. Например, Муслим из Астрахани, ныне имам одной из мечетей этого города, после занятий принимал покупателей продукции издательства «Иман» на квартире, в которой располагался склад изданной литературы и жили шакирды. Исмаил (Ленар) Зиятдинов из Казани, уехавший впоследствии на учебу в Малайзию и ныне работающий в должности второго имама мечети «Хузайфа» в 10-м микрорайоне, продавал печатную продукцию центра на улице в людных местах. Вообще, очень часто шакирды помогали в погрузке и разгрузке книг, которые издавались в те годы крупными тиражами.

Потом появилась еще одна резиденция «Иман» на ул. Айдарова недалеко от мечети «Нур Ислам». Это была очень маленькая однокомнатная квартира. Зимой, чтобы не замерзнуть, включали электрообогреватель. В это время года в этой квартире даже горячая вода в кране не была настолько горячей, чтобы можно было помыться в ванной. После того, как квартира была завалена газетами и книгами (это было участием почти всех резиденций центра «Иман»), места в ней стало еще меньше. Запах типографской краски стал обычным явлением для всех, кто долгое время пребывал здесь.

21 мая на Курбан байрам арабские организации, центр «Иман» и КВММ «Мухаммадия» провели в актовом зале одного из предприятий Казани праздничный вечер. На сцене пели, читали стихи, показывали сценки, проводили викторину. Подобный вечер или концерт был проведен в КЦ «Уникс», где в основном пел Хусам Абд ар-Рахман. Мы хотели показать людям, что мусульмане тоже могут весело и культурно проводить время.

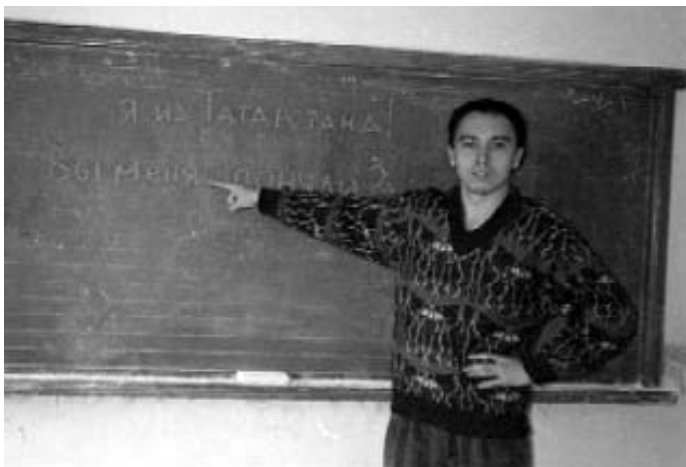

Пригласительный билет на праздничный вечер по поводу Курбан байрама (21 мая 1994).

Летом 1994 года, как обычно, наш центр провел несколько исламских лагерей для детей. Один из лагерей также был подготовительным курсом для новых абитуриентов «Мухаммадии». В этом же году стала выходить газета «Вера» на русском языке. В № 1 на первой полосе была помещена моя маленькая статья «Не отвернись», адресованная немусульманам, а в № 5 тоже на первой полосе уже большая статья «Истинные христиане — кто они?», которую я подготовил, опираясь на переводы смыслов Корана В. Пороховой. К осени из Египта, окончив успешно уровень ма'хада университета «ал-Азхар» вернулся Габдурахман, он не только потом преподавал арабский язык в «Мухаммадии», но и еще стал первым шофером МЦИК «Иман», когда у центра появился свой автомобиль «Иж». А вот Сираджуддин отбыл в Мекку, сбылась его давняя мечта. Он стал учиться в «Дар ал-Хадис», а затем в университете «Умм ал-Кура».... Рамиль (Хабибрахман) некоторое время вел проповедническую деятельность среди татар Запорожья и вернулся к деятельности в нашем центре (он был первым, как мне сообщили потом, кто серьезно увлекся суфизмом из людей «Имана»).

Газета «Вера» (№ 1 — 1994), предназначенная для русскоязычных мусульман. Эта газета готовилась самостоятельно и не являлась переводом газеты «Иман».

Исмаил (Сергей) Попов, более знакомый нам по прозвищу «Сираджуддин» («Светоч религии») — русский мусульманин из Зеленодольска, активный член ЦИК «Иман», учился шесть месяцев исламу и арабскому языку в Таджикистане, работал переводчиком в КВММ «Мухаммадия», затем учился в Мекке, в настоящее время переводит на русский язык известные сборники хадисов.

Абдуль-Азиз (Ильгиз Загидуллин), который перевел немало книг и статей с английского языка, больше времени уделял таблиговскому движению. Он помогал англоязычным таблиговцам, которые часто приезжали в Татарстан. В основном приезжали пакистанцы. Однажды к нам приехал джамаат таблиг из островного Карибского государства Тринидад и Тобаго, чего мы никак не могли ожидать. Общаясь с представителями джамаатов таблиг, мы с удовольствием узнавали о жизни мусульман в их странах, особенно, нас интересовало положение ислама в немусульманских странах. Также Абдуль-Азиз организовал в КГУ еженедельные встречи молодых мусульман, где каждый по желанию мог что-то рассказать об исламе. Позднее, получив диплом, он даже отправился в Пакистан и Индию на традиционные таблиговские четыре месяца. Таким образом, он один из первых татар, посвятивших себя движению таблиг. Абдуль-Азиз стал амиром татарстанских джаматов таблиг, он отошел от дел нашего центра, но остался или даже стал более активным проповедником ислама.

Мои новые друзья по лагерю в Алма-Ате Раис Мазитов и Илгиз Загидуллин часто приходили в центр, чтобы выяснить, когда же мы поедем в Малайзию. Но ответа долго не было. В какое-то время встал вопрос о финансах, т.е. мы узнали, что приняты в Международный Исламский Университет Малайзии, и что ответственная за наши кандидатуры организация не имеет достаточно денег для отправки нас туда. Я также был принят на факультет теологии казахского Университета имени Ахмада Ясави, основанного в том году турками в городе Туркестан. Но все-таки отказался ехать туда в пользу экзотической азиатской страны, потому что до последнего момента я верил, что мы уедем в Малайзию, несмотря на долгое ожидание. Мы уже встретили Ленара Якупова, а потом через полгода Рафаэля Багаутдинова, которые приезжали на каникулы из Малайзии. Их рассказы о жизни и учебе там не могли оставить нас равнодушными, нам очень хотелось быстрее туда отправиться. Летом 1994 года был проведен такой же лагерь как в Алма-Ате в Минске. Туда мы уже не поехали, потому что нам сказали, что мы уже и так зачислены в университет. Чтобы зря не терять время, Раис поступил на первый курс «Мухаммадии», а Илгиз продолжал учебу в КХТИ. Илгиз также иногда заменял Абдуль-Азиза в качестве переводчика для джамаатов таблиг. Оба были тезками и однофамильцами, да и еще оба переводили для таблиговцев.

Я помню множество лиц, имена многих из которых уже стерлись из памяти, имевших дело с центром однажды или несколько раз. Так было постоянно, круговорот продолжался: менялись резиденции, менялись люди, кто-то уходил и снова приходил, кто-то уходил навсегда, один Валиулла хазрат оставался постоянным элементом, движущим звеном, осью, вокруг которой все вертелось, от начала до этих дней.

Валиулла хазрат Якупов (лето 1997) —
бессменный председатель ЦИК
«Иман» с 1990 года.

В конце декабря 1994 года я отправился в Москву, чтобы уже оттуда улететь в Малайзию. Из Казани также подъехали Раис Мазитов и Илгиз Загидуллин. В Москве собрались и другие ребята. До последнего момента было неизвестно, уедем или нет. По воле Аллаха Новый год (1995) я встречал уже в Куала-Лумпуре, столице Малайзии. Там уже учились трое татар, отправленных нашим центром. Но это уже другая история.

Порт-Диксон (Малайзия) январь 1995; на фото наверху слева: Илдар Баталов (Саратов), Раис Мазитов, Илгиз Загидуллин; внизу слева: Рафаэль Багаудинов, Саид (Дамир) Шагавиев.

Летом в Балтасях
(статья С. Попова
из газеты «Вера» №3 1994 с сокращениями)

Этим летом я стал очевидцем интересного события, которое произошло в Балтасях, а если сказать точнее, то в двух километрах от этого поселка...

Рискуя забуксовать на размокшей дороге, наш автобус медленно, но верно полз к заветной цели нашего путешествия — небольшому лагерю, состоявшему из шести корпусов панельных и деревянных домиков, близко теснившихся друг к другу на опушке леса. По нашему прибытию пошел противный мелкий дождь, заставлявший нас ежиться, но мы не унывали, так как впереди были две недели чистого воздуха, чистой земли и, конечно же, чистого неба.

Но немного о том, зачем мы приехали сюда. Этим летом мы, Союз Исламской Молодежи, провели серию детских Исламских лагерей в надежде посеять в сердцах ребятешек веру и тягу к ней. Всего таких лагерей было четыре. Располагая достаточным опытом в их проведении (вот уже третий год мы ведем эстафету столь необходимых мероприятий для вселения в детские души веры в Ислам) мы были уверены, что приедет много ребят. И не ошиблись — их было действительно предостаточно.

Ребятишкам была предоставлена возможность получить знания об основах Ислама — религии их отцов и дедов и приобрести определенные навыки работы на компьютере, что является немаловажным для общего и комплексного развития подрастающего поколения.

Хочется особо сказать об атмосфере, которая царила в эти дни в лагере. Она была просто великолепной и как нам всем показалось, детям там очень понравилось.

Сразу же по приезду, детей разбили на группы по уровню знаний основ Ислама. Умеющих читать Коран — как наиболее грамотных, зачислили в разряд высшей подготовки; не умеющих читать, но умеющих совершать намазы - в другую: ну, а остальных: не умеющих ни того, ни другого — собрали в третью группу.

Первый день лагеря был просто отведен для отдыха, для оздоровления, детям дали полную свободу. Они играли, гуляли,

читали, ходили ловить рыбу в пруду, в котором впоследствии часто купались. Зато, начиная со следующего дня, юные обитатели лагеря вплотную начали жить, соблюдая законы шариата.

Завтрак в лагере отличался по времени, для девочек он был на полчаса раньше, чем у мальчиков. Питание у детей было организовано четырехразовым, поэтому никто не ходил голодным.

После завтрака, следуя распорядку дня, проводились занятия. Обучение проводили опытные преподаватели, среди которых особо хотелось выделить хазрата Габдульхака Каюмова, который уже более 30 лет преподает Основы Ислама. Под их руководством за эти две недели много детей освоили арабский алфавит, некоторые к отъезду умели уже читать арабские тексты. Ученики схватывали всю информацию, что называется на лету, впитывая как можно больше знаний об Аллахе и религии, подаренной Им людям.

Я тоже обучал детей в этом лагере, это были уроки по правильному совершению намаза. Мы заучивали наизусть молитвы на арабском языке и запоминали их смысл. Ведь многие из молитв содержат зов, обращенный Творцу о помощи людям на пути к становлению мусульманской личности.

Стоит упомянуть и об одной арабской семье, которая находилась в те дни вместе с нами и приехала специально для оказания помощи в проведении этого обучения. Это был [египтянин] Валид со своей молодой женой и маленькой дочкой, которую звали Таслима, что в переводе с арабского звучит как райский источник наслаждений. Это был чудный ребенок, я ни разу не видел ее плачущей или капризничающей. Вообще, эта семья всегда была на виду, образец ее был очень нагляден, все мальчишки, а особенно девочки очень их полюбили. Жена Валида произвела на них большое впечатление своим внешним видом, скромным поведением, она была как бы женщиной из другого мира. И хотя она ни слова не знала по-русски и татарски, все друг друга прекрасно понимали. Одно интересное, на мой взгляд, событие произошло с этой семьей. Другие, как мне кажется, этого не заметили, но у меня оно почему-то осталось в памяти.

К нам в лагерь приехали молодые журналистки, которые брали много интервью, не обошли вниманием и арабскую семью. В их беседе принимал участие и я в качестве переводчика. У меня сразу же сложилось об этих журналистках негатив-

ное впечатление, вероятно, это было связано с бестактностью многих их вопросов, если не сказать больше. Часть их вообще не хотелось переводить, так как они вводили в смущение Валида и его жену. Не углубляясь особо в этот инцидент, хочется сказать, что у вопрошающих появилась какая-то нехорошая зависть к неомраченным лицам этой поистине настоящей мусульманской семьи.

Расставались дети неохотно, радость всеялась в их души при мысли, что они приедут сюда вновь, где они столь многое узнали, и в их сердцах еще сильнее загорелся огонь веры, веры в Аллаха и Его Учение...

Резолюции, принятые XVI съездом Центра исламской культуры «Иман»

Проблемы мусульманского общественного движения

Мусульманское сообщество России имеет сложное общественно-религиозное строение. И в царской России наряду с системой сугубо религиозных структур под ведомством ОМДС были мусульманские политические партии, депутатские группы, благотворительные общества, СМИ и другие общественные институты. И сегодня наблюдается аналогичная картина: наряду со структурами мусульманского духовенства появляются в большом числе и общественные мусульманские движения и организации. Однако, к сожалению, нет осознания разницы и границ ответственности друг друга, из-за чего нередко возникают недоразумения и даже конфликты.

Среди части общественных активистов есть представления, например, о чуждости феномена духовенства для Ислама. Хотя очевидно, что духовенство в Исламе реально есть, но оно мусульманское, а отнюдь не христианское, по сути оно с другими функциями и другим предназначением, также как мечеть - это не храм, но всё равно культовое здание, просто оно другое, так же — и мусульманское духовенство. Наличие обрядовой системы в Исламе имманентно постулирует появление прослойки людей, обряды исполняющих, так как любой социум неизбежно стремится к специализации обязанностей. Так же как редко кто сам шьёт себе одежду, а покупает у специалистов, так и похороны всегда будут в большинстве случаев обслуживаться профессионально этим занимающимися людьми. Хочется однозначно сказать, мусульманское духовенство неискоренимо, с этой данностью нужно считаться и не делать из этого трагедии, нужно целенаправленно улучшать качество этой прослойки, особенно среди женщин, чтобы это духовенство служило общественному, а не только частному интересу.

Другим заблуждением мусульманских общественных активистов является ревность к структурам официального мусульманского духовенства и исходящее отсюда стремление их подменить, либо подчинить. Эта позиция также является поводом для конфликтов и недоверия.

У мусульманского общественного движения в отличие от мусульманского духовенства есть собственная сфера деятельности, которая не пересекается и не конкурирует с сугубо религиозной деятельностью. Она охватывает культурно-просветительские, политические, научные и многие другие задачи, в том числе создание мусульманской инфраструктуры.

Если позиционировать себя в качестве помощников мусульманскому духовенству в решении тех целей и задач, до которых у духовенства не доходят руки или им не позволяют ресурсы, то никаких недоразумений не было бы.

Существование широкого арсенала мусульманских общественных организаций позволит наиболее полно отразить интересы мусульманского сообщества, более развёрнуто отстаивать его интересы перед лицом государства, расширит возможности лоббирования наших конфессиональных интересов на всех уровнях власти, максимально использовать законодательно закреплённые права и преференции.

Условием же успеха является комплиментарность религиозного и общественного измерений мусульманского сообщества, своевременная координация усилий и согласованность действий. В связи с чем считаем полезными создание религиозных и по возможности федерального координационных советов руководителей мусульманских общественных организаций при соответствующих Духовных управлениях мусульман.

К проблеме межмусульманского диалога

Исторически на территории России получили распространение ханафитский и шафиитский мазхабы, кроме того в Астрахани и в части Южного лезгинского Дагестана ещё в царское время были шиитские мечети. Сегодня же в условиях глобализации, молниеносного распространения идей через интернет, резкого повышения мобильности населения наблюдается тенденция к проникновению и укоренению в России различных течений и направлений Ислама. Объективная реальность такова, что в Татарстане, например, на данное время в мечетях можно встретить лиц, молящихся по рецептам всех суннитских мазхабов и многих шиитских направлений Ислама. Возникли де факто устойчивые группы разной идеологической ориента-

ции, кредо которых зачастую трудносовместимы, а по некоторым вопросам их взгляды просто взаимоисключаемы и противоположны. Многие группы убеждены в своей правоте, религиозный эксклюзивизм присущ большинству новых течений Ислама. В то же время многие мусульмане гипнотизируют себя идеей единства мусульманской уммы, однако простой проверочный вопрос покажет, что это не так. Так, если шииты постоянно обязаны проклинать первых праведных халифов и Аишу (р.), то получается и сунниты ради единства мусульман, так же должны их проклинать?! И таких вечных вопросов немало. В этих условиях, видимо, в России пора переходить от произнесения магических формул и заклинаний о мифическом единстве мусульман к формированию основ и принципов диалога разных групп мусульман. Пока же такое общение происходит только в форме такфира (обвинения в неверии). Наличествующие конфликты имеют теологические корни и должны обсуждаться в режиме богословского диалога. Признание различий в богословских подходах и их спокойное обсуждение могло бы успокоить рядовых мусульман и снизить градус межмусульманского противостояния. В русле такого межмусульманского диалога можно было бы очертить границы традиционного Ислама в России.

К сожалению, массированной атаке в Татарстане подвергается в течение последнего десятилетия ханафитский мазхаб. Причём давление на него идёт с двух сторон: как со стороны светского «евроислама», так и антимазхабических салафитских движений, которые считают только себя наиболее совершенными выразителями мусульманской религиозной идеи, стремясь к тому, чтобы все мусульмане стали их адептами. Если какие-то мусульмане не хотят становиться ими, то они по крайней мере пытаются сделать так, чтобы общинами и структурами официального Ислама управляли именно их сторонники. Этому агрессивному прозелитизму практически нет адекватного противостояния. Постепенно в мышлении нашей молодёжи закладывается под лозунгами чистого единобожия вера во вновь созданный пантеон человеческих божеств. Ханафитский мазхаб ревизуют те, кто искренне верит, например, в безошибочность имама Бухари, единолично отобравшего из 600 тысяч хадисов 7 тысяч достоверных, такая вера неизбежно наделяет

этого имама божественными атрибутами. В результате исправления ханафитского мазхаба у этих ревизоров появляется нечто весьма близкое к язычеству. Конечно, невозможно согласиться на такое оглушение мусульманской теологии, нельзя равнодушно наблюдать зарождение культа мухаддисов, необходимо молодежи объяснять роль мазхабов в фикхе, являющихся не чем иным, как методологией интерпретации хадисной литературы. Хадисы, какими бы достоверными они ни были признаны людьми, нуждаются в интерпретации. Приведем пример: известен хадис о мигърадже, описывающий мусульманский рай, в котором говорится, что из рая вытекает две земные реки — Нил и Евфрат. Эта информация неизбежно нуждается в интерпретации, так как эти реки текут из разных мест, как минимум, и в противоположные стороны. Объяснение хадисов — это и есть мазхаб по большому счёту. Абу Ханифа — табиин, только по этой причине татары придерживаются его мазхаба.

В этой связи необходимо выявлять возможные площадки для межмусульманского диалога, в формировании которого на первых порах могли бы сыграть свою роль академические исламоведческие круги, а также мусульманские общественные организации. Очевидно, что такой диалог непросто и труден, но возможен, а исходя из длительных интересов российского общества мусульман и жизненно необходим, так как неизбежно придётся всем сосуществовать в условиях мусульманского теологического плюрализма, а значит нужно заблаговременно учиться терпимости во взаимоотношениях друг с другом. А чем раньше начнётся такой диалог и начнутся выработываться критерии возможного сотрудничества в общих интересах, тем лучше. Ведь в большинстве городов нет возможностей построить изолированные мечети для каждой группы, а значит диалог востребован. Тем более, что все мусульманские группы основывают свои учения на Коране и Сунне, по сути имеют одни первоисточники, разнятся они только в их интерпретации. Таким образом, хотя бы из уважения к этим истокам нашей религии необходимо соблюдать взаимную терпимость, понимать, что эти учения возникли под влиянием факторов места и времени и имеют свои преимущества в определенных условиях, например, таблиг в Пакистане имеет очевидные положитель-

ные признаки для этого места, также ваххабизм для аравийских королевств или джадидизм для Татарстана. Необходимо осознавать уместность той или иной исламской идеологии в данной конкретной местности и времени.

Проблема сохранения татароязычности мечетей

Татарский народ испокон веков живет на своей исторической территории в течение почти полутора тысячелетия, строя здесь мечети и слушая в них проповеди на своём родном языке. В результате процессов глобализации, повышения мобильности населения, увеличения миграционных потоков в этих местах коренного обитания татар увеличивается количество мусульман из южных регионов, всё чаще высказывающих недовольство татарским языком проповеди и требующих перемены его на русский. Отказ же от использования татарского языка очевидно ущемляет интересы этого народа, лишает его возможности самовыражения у себя на родине. Такого рода несправедливость не сочетается с шариатскими принципами справедливости. Необходимо в этой связи искать технологии учёта интересов нетатарских прихожан при сохранении татарского языка проповеди в мечетях. Возможно использование опыта работы татарских театров г. Казани, в которых используются наушники для синхронного перевода. Возможно также заблаговременное размножение текста проповеди через компьютер, либо варианты бегущей электронной строки и т.п. Надеемся, что приезжие мусульмане проявят свои братские чувства солидарности к татарскому народу, уважения к его языку и многовековой культуре, не дадут ходу чувствам эгоизма и собственного превосходства.

Игнорирование городской мусульманской молодежью татарского языка, сакрализация ею русского языка, придание именно русскому языку культовых черт отталкивает от Ислама татароязычную молодёжь и интеллигенцию, которая вынуждена искать отдушину в тенгрианстве - неоязычестве. В этой связи необходимо создавать условия для развития татароязычной молодежной мусульманской среды и её инфраструктуры.

К проблеме единения мусульман РФ

Ныне татаро-башкирские мусульманские приходы внутренней России (помимо Северного Кавказа) объединены в две централизованные противоборствующие религиозные структуры: ЦДУМ и СМР. Обе организации далеки от принципов мусульманской демократии, выработанных в период джадидизма. В СМР не существует прямых выборов руководства, которые происходят скрытно от широкого мусульманского сообщества, к сожалению, уставом СМР не предусмотрено проведение всеобщего съезда, как это было при Галимджане Баруди и Ризаэтдине Фахретдинове. Налицо отступление от принципов внутриконфессиональной жизни, достигнутых во времена расцвета джадидизма. Аналогичное положение сложилось в ЦДУМ, где в нарушение собственного устава не проводятся общероссийские съезды уже с 1995 года, т.е. в течение 10 лет! А ведь именно ЦДУМ претендует на наследие ОМДС и пореволюционного ЦДУМ. А раз так, то необходимо следовать и традициям выборности руководства мусульман. Напомним, что верхушка мусульманского руководства тогда выявлялась через рейтинговое или так называемое «мягкое» голосование, по результатам которого претендент, занявший наибольшее количество голосов становился муфтием, претендент, имеющий второе число голосов становился заместителем муфтия и главным казыем, остальные, набравшие более 50% голосов от числа делегатов, становились членами ДУМ в сане казыев. Этот метод позволял наиболее справедливым образом комплектовать руководство и его актуальность в нынешней России несомненна. Многие встало бы на свои места в случае осуществления таких выборов.

В условиях РФ только в РТ удалось сохранить живую традицию джадидизма, выражающуюся в том числе в методе избрания руководства ДУМ РТ, выборы которого происходят гласно на республиканских съездах в условиях открытой конкуренции, причём избирается не только муфтий, но и его первый заместитель, а также главный казый и т. д.

В этой связи обращаемся с призывом подготовить и провести в предстоящем 2006 году съезды СМР и ЦДУМ по квотам делегатов в зависимости от количества юридически зарегистрированных мусульманских приходов в регионах с перспекти-

вой проведения впоследствии совместного объединительного заседания обоих съездов. Проведение таких выборных представительных мероприятий придало бы устойчивость мусульманскому сообществу России, послужило бы появлению внятных руководящих структур, облечённых реальным доверием верующих. Это стало бы реальным возрождением лучших традиций джадидизма, изжития чуждых татарскому Исламу явлений самоназначенчества, кумовства, недопущения коррупционных проявлений в духовной сфере.

Иначе искажается реальный удельный вес регионов. Например, многие регионы России имеют меньшее количество приходов по сравнению с районными мухтасибатами Татарстана, но некоторые ошибочно полагают, что в этих регионах располагаются центры российского Ислама, на самом же деле это отнюдь не так.

Об одобрении введения элементов шариата в правовое пространство РФ

РФ — многоконфессиональная страна с наличием особенностей религиозной жизни, выражающейся в быту, в менталитете народов, населяющих целые регионы. Важным событием во введении элементов шариата в жизнь регионов нашей страны стало решение вице-преьера Чеченской республики Рамзана Кадырова о запрете игровых автоматов на территории Чечни, которое основано на положении Корана о харамности майсира. Этот опыт необходимо постепенно углублять и переносить в том числе и на республики Поволжья.

Резолюция
Научно-практической конференции
«Общественно-политическая жизнь Татарстана
в условиях социокультурного
и конфессионального плюрализма»

Казань, 29 ноября 2005 г.

Возвращение религии в общественно-политическую жизнь России, осмысление ее как составной части духовной культуры и формирование религиозной идентичности на рубеже XX–XXI вв. вступило в свою новую стадию. Это связано, в первую очередь, с тем, что именно в современных условиях конфессии от количественного увеличения своих общин должны перейти к новому качественному состоянию. Для мусульманской общины это, в первую очередь, означает необходимость:

1. Активизации своей деятельности в сфере государственно-религиозных отношений, особенно в области формирования и сохранения единого правового пространства для представителей всех конфессий, но одновременно добиваясь более четкого определения соответствующего положения и статуса традиционных религий.

2. Обсуждения и определения оптимальных принципов объединения мусульман России, которые нуждаются в организационном упорядочивании существующих ныне многочисленных структур, но сохраняя при этом богословско-правовой плюрализм.

3. Определения более четкого отношения к религиозным традициям, которые в свое время способствовали формированию принципов религиозной толерантности, определили роль и место джадидизма в системе религиозных ценностей и одновременно стали основой сохранения устоявшихся религиозных обычаев и обрядов.

4. Расширения поля деятельности общественных организаций, которые в последние годы заметно снизили свою активность и практически перестали играть роль в определении основных направлений исламского мировоззрения.

Современная ситуация в сфере конфессиональных отношений, требует вдумчивого отношения к тем процессам, которые происходят в этой области. Глубокое осмысление религиозных традиций, понимание необходимости выработки новых подходов в исламском возрождении, формирование религиозной идентичности, адекватной в условиях поликонфессионального сообщества,— являются наиболее значимыми проблемами, требующими пристального внимания.

Иман мәркәзенең 15 еллыгы уңаеннан

15 УҢАЙ КҮРЕНЕШ

1. 15 елда жәмгыять һәм дәүләт диннең кеше тормышын-да мөһим вазыйфа башкаруын аңлады.

2. Татарстанда меңнән артык мәчет ачылды.

3. Татарстанда үзара тарткалашучы мөфтиятләр берләшеп рәсмият эшен жәелдерә алды.

4. Казанда һәм башка шәһәрләрдә югары мөселман мәдрәсәләре янадан ачылды. Шул исәптән «Иман» ярдәме белән «Мөхәммәдия» һәм «Госмания» һәм башкалар.

5. «Иман» һәм «Вера», «Мөслимә», «Иске имлә», «Иман нуры» кебек газета журналлар һаман да Татарстанда һәм Россиядә даими чыгып килә алучы дини басмалар арасында иң билгелеләре һәм мәшһүрләре булып кала.

6. «Иман» мөселман яшьләре мәркәзе нигезендә формалашкан «Иман» нәшрияте элеккеге СССР жирлегендә дини ислами матбага юнәлешендә әйдәүче булды. Эшнә хәзер күп нәширдәвам итә.

7. Кибет киштәләренә хәләл тамгалы ризыклар пәйдә булды, шундый ашханәләр ачылды.

8. Мәчетләргә, аеруча шәһәрләрдә намазга асылда яшьләр йөри башлады.

9. Шәхси яки дәүләти чыганақларда, газеталарда, журналларда, радио-телеканалларда дини сәхифәләр барлыкка килде.

10. Казанда Коръән китаплары, төрле тәфсирләр, дини өстәл календарьләре чыга, сайлап алып укырга була.

11. Казандагы дәүләти университетларда татар, гарәп, фарсы, төрек телләрен өйрәнергә була.

12. Хатын-кызларга яулык белән паспортка фотога төшәргә рөхсәт ителде. Урамнарда горөф-гадәтләр кушканча киенеп йөрүче кызлар пәйдә булды.

13. Россия дәүләтен Ислам конференциясы оешмасы кебек мәртәбәле оешмага күзәтүче итеп кабул ителәр.

14. Элек Татарстаннан дини ирек эзләп Урта Азиягә юнәлгән милләттәшләренә шактые кабаттан әйләнәп кайтып руханиятне баетты.

15. Татарның билгеле зыялылары арагы эчүдән тәм тапмый башлады, алар арасында намазлы, тәртипле кешеләр дә пәйда булды.

15 ТИСКӨРЕ КҮРЕНЕШ

1. Ислам дине тарафдарлары арасында хәнәфи мәзһәбенән тайпылу күренешләре очрады. Ислами хисләрне сәяси яки радикаль максатларда кулланучылар барлыкка килде.

2. Шәһәрләрдәге мәчетләрдән татар теле юкка чыгып бара.

3. Күп авылларда мәчетләрдә биш намаз да жәмәгать белән укылмый.

4. Соңгы елларда мәчетләрдә дин өйрәнергә теләүчеләр саны кимеде.

5. Имамнарның, аеруча авыл муллаларының матди хәле авырлашты.

6. Татар авылларында эчкечелек күренешләре ишәйде.

7. Казанда һәм башка урыннарда туган кайбер дини газеталар, журналлар, радиотапшырулар тиз арада чыгудан туктады.

8. Татарның житди һәм фикерле матбугаты матди яктан кыен хәлдә калды. Тәүлек буе сөйли алучы милли яки дини телеканал барлыкка килә алмады.

9. Россия шәһәрләрендә генә түгел, Казанда да мөселманнарга кырын караучы скинхедлар барлыкка килде. Мәчетләргә, каберлекләргә, шәхесләргә һөжүм фактлары теркәлде.

10. Туган телнең дәрәжәсен күтәрә алырлык югары белем бирү, фән, икътисад өлкәләре барлыкка килә алмады.

11. Казандагы Апанай кебек тарихи мәчетләр тулысынча төзекләндерелеп бетерелә алмады.

12. Жәмгыятьтә наркомания, азартлы уен төрләре таралды.

13. Гайре табигый булган секталар татар телендә һәм урыс телендә татар газеталары аша реклама ясып башлады, хәтта "Иман" кебек изге төшенчәләргә дә кулланып үз диннәренә беркатлы татарларны аулып башладылар.

14. Мәктәпләрдә гарәп телен укуы практик яктан кыенлашты, чөнки дүүләт инглиз телен генә чит тел буларак укуыны яклай.

15. Казандагы бердәнбер булган дини урта мәктәп ябылу алдында калды: дүүләт шәхси мәктәпләрдә элеккеге кебек дөньяви программаларны финанслауны туктатты.

15 ТӘКЪДИМ

1. Ислам диненен хәнәфи мәзһәбен киңрәк аңлатырга кирәк.
2. Татар телле бабалар тарафыннан салынган татар мәчетләре шул телдә хезмәт итәргә тиеш.
3. Авылларда мәчетләр эшләп торсын өчен аларны матди яктан тәмин итү, муллаларга рухи ярдәм юлларын табарга бурычлыбыз.
4. Мәчетләрдә белем бирүне киң яктан рекламаларга, кешеләрне укырга күбрәк чакырырга кирәк.
5. Эчкечелеккә каршы профилактика чарасы итеп ислам кыйммәтләрен кулланырга кирәк. Казан урамнарында эшләүче азартлы уен нокталарын тыярга.
6. Дини газета яки журналлар, тапшырулар ясаучылар спонсорларга мохтаж. Шулай ук тәүлек буе сөйли алучы милли һәм дини телеканал оештыру эшенә бай шәхесләрне тарту, инвесторларны табу кирәк.
7. Мәчетләрдә халыкны татарның житди матбугатына язылырга чакырырга.
8. Россиядәге мөселманнар өчен уртақ дини идарә оештыру юнәлешендә эшләргә.
9. Татар телендәге югары белем бирү дөнъясын сакларга һәм киләчәктә бәйсез милли университет оештыру кирәклеген онытмаска.
10. Ислам динендәге яшьләрне диннән читтә саналучы икътисад, сәнгать, фәнни, ижтимагый өлкәләрдә уңышлы эшләргә чакырырга. Лаеклы мөселман зыялыларын, галимнәрне, эшмәкәрләрне, артистларны, сәясәтчеләрне һәм гадәти эшчеләрнең, игенчеләрнең дә хәләл хезмәтен үрнәк итеп күрсәтергә.
11. Деструктив секталарның психологик басымына дучар булган корбаннарга һәм туганнарына мәчетләр рухи ярдәм күрсәтергә бурычлы.
12. Миссионерлар төзегән керәшен әлифбасының телебез өчен камил булмавын истә тотып, татар теленә гарәп графикасын кайтару юнәлешендә эшләргә.
13. Медицина өлкәсендә дини йолаларны, кагыйдәләрне куллану кирәк. Сүрәләр кулланып дөвалауны, сөннәтче бабайларның эшен, гыйффәтлелек саклау кебек тыйбби яки әхлакый нәрсәләрне пропагандаларга.
14. Ялгыз һәм толларның күп булуын истә тотып, димчеләр эшен жанландырырга.
15. Мөселманнарны экстремистик хисләрдән саклап калырга, Исламның уртачыл, ягъни фанатикларсыз дин булуын онытмаска.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Якупов В. М.</i> Центру «Иман» — 15 лет	3
<i>Шагавиев Д. А.</i> Обзор литературы, изданной ЦИК «Иман» (1990–2005)	5
<i>Нуриахметова Ф. М.</i> Модернизация ислама в условиях социокультурного и конфессионального плюрализма	16
<i>Гарипов Н.К.</i> Модели развития молодёжного религиозного общественного движения	21
<i>Архипов М. Р.</i> Роль личности и краткий анализ начала деятельности центра «Иман»	26
<i>Дубинин В. В.</i> Краткий обзор литературы об Исламе на русском языке, выпущенной Центром «Иман»	35
<i>Ә. Һәдия.</i> Кыйммәтләрнең дә кыйммәтлесе	37
<i>Уразманова Р. К.</i> Трансформация мусульманских обрядов в быту татар (к вопросу этнической самоидентификации)	41
<i>Сабиров А.</i> Роль ЦИК «Иман» в развитии и распространении Ислама в г. Казани	52
<i>Жәгъфәр Мөбарәкнең «Иман» нәшрияты тарафыннан чыгарылган китаплары турында</i>	59
<i>Мингалиев З.</i> Милли һәм дини тойгылар бергәләп уяны	64

Приложения

<i>Шагавиев Д.А. (Саид). «Путь с «Иманом» (1991–1994)»</i>	67
<i>Летом в Балтасях (статья С. Попова из газеты «Вера» № 3 1994 с сокращениями)</i>	93
<i>Резолюции, принятые XVI съездом Центра исламской культуры «Иман»</i>	96
<i>Резолюция Научно-практической конференции «Общественно-политическая жизнь Татарстана в условиях социокультурного и конфессионального плюрализма»</i>	103
<i>Иман мәркәзенең 15 еллыгы уңаеннан</i>	105